

попаданец

ПОПЯТЫНГ

Андрей Никонов

БИЛЕТ
В ОДИН КОНЕЦ

Попаданец (АСТ)

Андрей Никонов

**Бедный родственник.
Билет в один конец**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Никонов А.

Бедный родственник. Билет в один конец / А. Никонов —
«Издательство АСТ», 2020 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-123394-5

Существуют ли параллельные миры? Марк Травин, наш современник, точно знает ответ. Волей случая он попадает в развитую цивилизацию, построенную на сплаве магии и технологий. Космические путешествия и невероятные способности, путешествия между мирами, сражения и интриги – скучать будет некогда. А ведь еще предстоит сделать нелегкий выбор, кто он – пешка в разыгрываемой партии могущественных хозяев Вселенной или самостоятельный игрок, способный отвоевать свое место в чужом мире.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-123394-5

© Никонов А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
1	10
2	19
3	23
4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Никонов

Бедный родственник. Билет в один конец

© Андрей Никонов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Пролог

Отряд из семи человек медленно продвигался сквозь плотные заросли лиан. Сначала их было восемь, но сопровождающий, сержант-инструктор из Centro de Instrucao de Guerra na Selva Паоло Мантега, прошлым утром, отсалютовав винтовкой, повернул обратно в походный лагерь, к вертолету. И должен был уже давно улететь обратно на базу.

Идти было тяжело – высокая, практически стопроцентная влажность, жара под сорок, падающие с веток жуки и черные муравьи. В сельве нет ни направления, ни тропинок, постоянно приходилось смотреть в навигатор, чтобы понять, не сбились ли они с курса.

Группа растянулась на двадцать метров, идущий впереди рубил лианы и кустарник, через пятнадцать минут его сменял следующий, а уставший первопроходец занимал место в конце колонны. Среди всех выделялся командир – загорелый мужчина лет пятидесяти пяти, с лицом, изрезанным морщинами, высокий, жилистый, с черными, подернутыми сединой волосами, забранными в хвост, полными губами и крючковатым носом. Орудовать мачете у него получалось лучше других, в этих местах он был не первый раз и когда-то проходил стажировку в CIGS. В кобурах у него были два «Глока-19». У остальных членов группы – ПП «Кедр», кроме одного, ровесника командира, который, помимо «Глока» на поясе, нес за плечами АС «Вал» с оптикой.

Преодолев небольшую речушку, вооруженные люди остановились на привал на небольшой каменной площадке. Речная вода не доставляла дискомфорта, одежда от высокой влажности была настолько мокрой, что казалось, будто они уже второй день плывут.

Бойцы достали из разгрузок энергетические батончики, только командир набрал пальмовых жуков и спокойно начал жевать их живьем под равнодушными взглядами остальных членов группы. Батончики рано или поздно закончатся, так что питаться им придется вот таким подножным кормом.

– Еще два километра, – командир взглянул на навигатор, закрепленный на предплечье, от него шел проводок к солнечным батареям, словно погоны, навешанным на плечи. Такая зарядка позволяла использовать навигатор по десять минут в час. Пауэр-банки в рюкзаке были запаяны в полиэтилен и расходовались по мере необходимости. – Сейчас легче будет, тут деревья не так плотно растут.

Через час люди вышли на большую поляну, метров сто диаметром, с явными следами человеческой деятельности – деревья были вырублены, стволы лежали по периметру, трава по возможности была скошена и убрана. Влажность не сильно уменьшилась, но яркое солнце, стоявшее в зените, выпаривало жидкость из одежды и других предметов экипировки. Лишняя одежда тут же была скинута и развешана на ветках.

Поляна состояла из трех вложенных друг в друга концентрических кругов, каждое обрамлялось каменным бордюром, перепад высот между соседними был метра полтора, таким образом, центральная часть поляны, диаметром сорок метров, была ниже края примерно на три метра.

В центре поляны по кругу стояли семь каменных столбов высотой пять метров и диаметром с метр, на вершине каждого столба сидела каменная статуя какой-то явно фантастической птицы, внутри этого круга из столбов – каменная плита два на два.

От края прямо к плите, на девять часов от прищельцев, вела дорога – шириной в три метра, без ступеней, ровное, вымощенное камнями полотно, обложенное камнями. С одной стороны дорога оканчивалась прямо у столбов, с другой – уходила на несколько метров в лес, где просто обрывалась.

На втором концентрическом ярусе, напротив прищельцев, стоял «Robinson R44» с медленно вращающимся винтом.

Один из бойцов, тот, который с «Валом», остался за деревьями, еще один тоже не стал выходить на поляну, разместился в пятнадцати метрах от первого – расстелил пенку, уселся на нее и расслабленно привалился к дереву.

Делалось это нарочито небрежно – поджидающие их люди знали, что должны прийти шестеро, так что оставшиеся в охранении двое просто показывали, что в случае чего они останутся в тылу и поддержат товарищей огнем.

Командир и четверо сопровождающих выдвинулись к каменному сооружению, игнорируя дорогу. От вертолета отделились три фигурки и подошли к барьеру. Еще одна фигурка осталась у вертолета, спрятавшись за корпусом – бессмысленная предосторожность, кабина «Робинзона» прошивалась из винтовки на раз.

Бойцы остались на самом краю второго яруса, командир легко спрыгнул и зашагал к каменной плите. С другой стороны также двое остались на краю, а их старший, смуглый невысокий молодой человек в цветастой рубашке, белых брюках и белых же туфлях, спрыгнул с барьера и зашагал навстречу вооруженному визави. Оружия у пассажира вертолета не было, в отличие от его сопровождающих, расслабленно державших «калашниковы».

– Ола, Анатолио! – вскинув руки вверх, радостно заорал парень в цветастой рубашке.

– Э боа тарде пара си, сеньор Гомеш, – церемонно поклонился человек с пистолетами.

Они встретились чуть в стороне от круга столбов, обнялись, похлопали друг друга по спине.

– Как долетел? – на чистом русском языке спросил молодой.

– Дошел, – поправил его пожилой. – Продирался через вашу сельву два дня, так что, надеюсь, у твоей мамы все хорошо, и твой дядя еще даст фору молодым, и это все, что я должен буду знать о них, прежде чем мы перейдем к делам.

– Дядя всегда говорил, что ты очень торопишься, – молодой улыбнулся. – Он также говорил, что дела можно вести только с тобой.

Он наклонился к уху пожилого и прошептал:

– Потом объяснишь, зачем тебе понадобился весь этот спектакль.

Пожилый усмехнулся. Кивнул.

Молодой щелкнул пальцами. Тот, кто сидел за вертолетом, встал, достал из кабины чемоданчик, передал подошедшему к нему охраннику. Тот дошел до края яруса, спрыгнул вниз, передал груз молодому в цветастой рубашке и вернулся обратно, легко подтянувшись и запрыгнув вверх.

Молодой поставил чемоданчик прямо на плиту, поклонился пожилому, они еще раз обнялись, пожилой что-то прошептал молодому на ухо, отчего тот встревоженно посмотрел на собеседника.

Пожилый снова кивнул. Команда молодого загрузилась в «Робинзон», и вертолет улетел на запад.

Командир присел на край плиты, раскрыл чемоданчик, улыбнулся. Помахал рукой.

Пока команда собиралась возле него, он скинул разгрузку, отстегнул ножны с мачете, снял пояс с пистолетами, куртку, майку, оставшись с обнаженным торсом. Тело было покрыто многочисленными шрамами, вдоль пупочной линии шел рубец от разреза, с левой стороны – давно зарубцевавшееся пулевое отверстие.

Шестеро собрались вокруг вожака. Тот развернул чемоданчик к зрителям – на белом бархате лежали семь обсидиановых ножей.

– Что это, командир? – спросил пожилой с «Валом».

– На первый взгляд радужный обсидиан, – похлопал по чемоданчику главный. – Но на самом деле это куда более дорогая разновидность. Каждый такой ножик по пять тысяч идет,

если простой. А эти использовались жрецами одной очень древней перуанской семьи, на каждом – кровь тысяч жертв. Представляете, эти ножи вонзались в тела людей еще тогда, когда тут не было португальцев. Точный анализ будем проводить в Израиле, но предварительно – этим вот кинжальчикам более тысячи лет. Знающие люди с руками оторвут, такой чемоданчик полмиллиона стоит, не меньше. Как оружие их не используют, хрупкие очень, ломаются на раз. А для коллекций неповрежденные, с древней кровью, с сертификатами большую ценность представляют. Так что сходили не зря, теперь надо вернуться, все это продать и разделить деньги.

На лицах членов команды отразились смешанные чувства, вот только радости от будущего богатства там не было. Меж тем главный уселся на плиту, подставив лицо солнцу, слева от него лежал раскрытый чемоданчик, а дальше – амуниция и обмундирование грелись лучами полуденного солнца.

– Вертолет заберет нас через четыре часа, – проговорил главный, не открывая глаз.

Меж тем остальные члены команды встали полукругом возле командира, не сводя с него взглядов. Оружия из рук они не выпускали.

– Вы чего, – расслабленно произнес главарь, – расслабьтесь, отдыхайте. Здесь вам ничего не угрожает, даже змей нет. Священное место, вот эти столбы, по поверьям, держали внутри себя злых духов, не давая им проникнуть на Землю. А на этой плите, опять же если верить всем этим сказкам про инков и их ритуалы, вынутые из жертв сердца оставляли на солнце. И знаете что? Они не портились, кровь не сворачивалась, а в полночь сердца исчезали, не оставляя на плите ни капли. По мне так бред какой-то, но вот друзья мои говорят, что да – место загадочное. Чувствуете что-нибудь?

Не дождавшись ответа, он обвел взглядом подчиненных.

Те, видимо, колебались, не зная что делать, наконец вперед вышел один, тот самый пожилой с «Валом».

– Командир, тут это...

– Не тяни, – строго сказал главарь.

– В общем, убить нам тебя приказали.

– Кто? – расслабленно протянул главный, не делая попыток подняться.

Пожилой оглянулся на товарищей, потом снова посмотрел на командира.

– Ладно, догадываюсь. И что вам предложили – деньги? Что еще могут они предложить, – спокойно продолжал главарь.

– Семьи наши они нам предложили, – зло сказал один из бойцов, самый молодой. – У меня вон мать с отцом, у Петровича – внучку, у Санька невесту держат в залоге.

– Ясно, – главный открыл глаза, посмотрел прямо на пожилого. – Внучка, значит. Вы понимаете, что вас все равно прикончат?

– Да, – твердо кивнул пожилой. – Прости нас, командир. Тут или они, или мы. Все вместе. А как умрем, наши родные никому не нужны будут. Отпустят их.

Главный кивнул в ответ, признавая, что да, так и произойдет. Смысла в лишних, бесplatных жертвах нет, а жаловаться те не побегут.

– И когда?

– Прямо перед отлетом, ты уже здесь был. Совсем чужих не стали посылать, а мы вроде как с тобой были уже.

Командир вздохнул. Чему-то улыбнулся.

– И кто из вас?

– Я, – пожилой тоже вздохнул. – Мы жребий бросили.

– Это хорошо. Ну давай, чего ждать-то.

Петрович вскинул автомат, направил дуло в голову.

Никто не заметил, как в руке у главаря оказался один из ножей. Вот он расслабленно сидит и смотрит в дуло автомата, и тут же у Петровича из глаза торчит узкий черный стилет.

Бойцы привыкли отвечать на нападение сразу, не раздумывая, кто бы это ни был. Очередь из ПП ударила в каменную плиту. Как раз в то место, где до этого сидел главный.

Но его там уже не было, перекатом через левое плечо он ушел назад, одновременно сразу пять лезвий выскочили из его руки, и все они нашли цель. Точно в левый глаз каждому из нападавших. Так что следующие очереди били уже в воздух, вокруг, куда угодно, только не в мишень, спрятавшуюся за плитой.

Через несколько секунд, когда все кончилось, командир вылез из-за камня, стряхивая с себя комочки земли и приставшую траву. Поглядел на разбросанные тела – с торчащими из глазниц острыми лезвиями. Кто-то отделался пробитым мозгом, кого-то уже после смерти покромсали пули, все вокруг было забрызгано кровью, ошметками тел и одежды.

Командир грустно улыбнулся, обошел тела, вытаскивая лезвия – целые, ни одно не повредилось, сложил их на плите. Достал из чемоданчика последнее, провел по запястью, орошая клинок и плиту собственной кровью. Сложил стилеты звездой, остриями к центру.

Из разгрузки достал прозрачный кристалл, положил в центр семилучевой звезды. Сначала ничего не происходило, потом кристалл начал наливаться синим цветом, засиял, перебивая свет солнца, запульсировал.

Оставшийся в живых скинул свои вещи вниз, на землю, за столбы, туда же полетели обувь и штаны, аккуратно сложил лезвия в чемодан, закрыл его, положил на плиту. Оттащил тела за круг столбов.

Посмотрел на край поляны – там уже собралось семейство пум – самец, самка и два детеныша. В зарослях виднелись звериные головы – лесная братия пришла на обед.

– Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста, – прошептал человек. Взял кристалл в руку, крепко сжал.

1

Любям нравится мечтать о том, как они начнут новую жизнь, а когда это еще делать, как не с понедельника. Почти каждый хоть что-то, но собирался начать именно в этот день – сесть на диету, бросить пить, перейти на новую работу или вообще все поменять, потому что именно в пятницу к вечеру ты начинаешь ощущать, что тебя все достало – работа, семейная жизнь, бытовые неурядицы и просто хреновая погода за окном. В субботу надо выспаться хорошенько, поднакопить силы в воскресенье, и вот тогда – полным энергии и планов решиться и все поменять.

В понедельник по утрам самое плотное движение, самые большие пробки и самые нервные, а зачастую и с тяжелого похмелья, водители – хуже только в пятницу вечером. Ну да, в пятницу все готовятся начать новую жизнь, а в понедельник глубоко, еще где-то в сознании, начинают понимать, что все продолжается, но надежда еще есть, она окончательно угаснет ко вторнику.

Есть счастливицы, которым удастся кое-как вырваться сквозь мембрану лени и привычек к чему-то новому, оставить в воскресенье то, что так не хотелось брать в новую неделю. Особенно это касается тех, кому за 35 – такой возраст, когда чувство неудовлетворенности сложившейся жизнью пересиливает еще не совсем сформировавшуюся рассудительность. Кто-то отрывает маленький кусочек от своих привычек, кто-то режет напрочь, но им удастся. И они в этот понедельник счастливы, они – победители, пусть иногда это не та победа, которая нужна, и прозрение придет чуть позже, новая работа окажется хуже предыдущей, новая жена – сварливее и жаднее старой, белковая диета загубит почки, а тело, не готовое к интенсивным физическим упражнениям, отомстит порванными связками и болями в суставах, повышенным давлением, остеохондрозом и прочими прелестями здорового образа жизни. Зато будет короткий миг счастья от того, что получилось.

Я смотрю на таких людей и радуюсь за них. Мне вообще ничего не хочется менять, знаю, что это неправильно, но меня моя жизнь полностью устраивает. Меня не напрягает отсутствие жены – при необходимости я могу сделать себе не только бутерброд, но и что-то посерьезнее – например, дойти до кафе, где отлично готовят и моют за тобой посуду, приходящая раз в неделю домработница избавляет меня от грязных носков и несвежих рубашек – они потом обнаруживаются в шкафу, чудесным образом выстиранные и выглаженные. Кстати, после этого визита пыль и грязь тоже куда-то невероятным образом исчезают, а разбросанные вещи возвращаются на свои привычные места. Посиделки с друзьями, которые уже давно обзавелись семьями, с постоянными охами и ахами их жен по поводу моего одиночества, совершенно меня не напрягают – эти же жены в своем стремлении оженить меня постоянно приглашают каких-то своих подруг, по большей части разведенных или просто старых дев, с ними я с удовольствием флиртую и могу даже выпить на брудершафт, они такие смешные – все в детях и кошках, а иногда даже попадают молодые и вполне себе симпатичные, без кошек и детей, и с ними часто все заходит гораздо дальше.

Зато, если я собираюсь на рыбалку, никто не скажет мне, что опять выходные пропадают, и развлекаюсь я один, а семья – нет, даже домработница так не говорит – она приходит по четвергам, когда я выбираюсь куда-нибудь в город, и мы практически не пересекаемся. И когда наша компания, залезая в «Тойоту» Жоры Богданова (женат десять лет, трое детей), в предвкушении будущих подсечек и дымка вечернего костра, обменивается приветствиями, я искренне радуюсь за своих друзей, они получили на два дня свободу. А они искренне мне завидуют, ведь моя свобода и после этих двух дней никуда не исчезнет.

Я далеко не миллионер, если считать в долларах или евро, и мои родители – тоже. Я обычный свободный художник, или как сейчас говорят – фрилансер, нашел свою нишу и спо-

койно зарабатываю себе на хлеб с маслом. Было время, когда я бросался в бизнес, вешал на свою шею ярмо из десятка-двух раздолбаев, которым надо было искать работу, кормить, воспитывать, платить зарплату, а потом еще выслушивать в записи, сделанной через скрытые микрофоны, какой я гад и кровопийца и как они, бедные, плохо живут на всем готовом. Бодаться с налоговой, отбиваться от пожарных, санэпидемстанции и прочих проверяющих, выбивать деньги из старых заказчиков и постоянно искать новых – все это до определенного момента было смыслом жизни, разгоняло кровь по артериям и насыщало ее адреналином. Но наступил момент, когда радость от зарабатывания денег и обладания секретаршами и прочими работницами нижнего и среднего звена притупилась, а забота о сотрудниках надоела. Мне захотелось заботиться только о себе самом и о своих родных, мы вполне этого достойны.

Бизнес вместе с секретаршами и раздолбаями удалось не без выгоды пристроить в надежные руки школьного приятеля – Лехи Милославского, маленькая такая месть за одну девчонку из нашей школы, которую он у меня отбил в девятом классе. У Лехи отец занимает в государственных органах должность... короче, семья не бедствует, под надежной родственной крышей бизнес еще больше расцвел, так что мы были друг другом вполне довольны – редкий случай, когда продаешь что-то не совсем постороннему человеку, а потом сохраняешь с ним нормальные отношения. Попробуйте продать машину родственникам – до конца жизни они будут уверены, что нехило переплатили за это дерьмо на колесах. Не ждите от них больше новогодних открыток и поздравлений с днем рождения – машина переедет ваши отношения.

На полученные от Лехи деньги, ну не на все – на часть, я купил полгектара земли, километрах в пятнадцати от нашего города, построил на них два дома. В один поселил родителей, которые к тому времени вышли на пенсию и загорелись познать прелести загородной жизни, одновременно сдавая городскую квартиру – старшее поколение отличается здравомыслием и правильным подходом к недвижимости, а второй оставил для себя. Тем более что брат с сестрой давно жили в Питере, у бабушки, и в наших краях появлялись только редкими наездами летом и иногда на Новый год – студенты, у них совсем другие интересы. Небольшой коттедж на полторы сотни метров, с тремя спальнями – мне хватило бы и одной, но отец, руководивший стройкой, настоял на трех, надежда понянчить внуков у них с матерью никуда и никогда не исчезала. Подружки, изредка появлявшиеся со мной в «усадьбе», у матери энтузиазма почему-то не вызывали, хотя зависимость между теоретическими внуками и реальными особами женского пола была в наличии. «Не такая тебе девушка нужна, – говорила она обычно, вытянув из бедной молодой особы все подробности ее жизни. – Вот у моей подруги дочка – такая красавица, умница...» Только тридцать лет и все не замужем, видел я этих красавиц и умниц. Хотя то, что не замужем, наоборот – может быть как раз об уме и говорит, и вполне может быть, что и о красоте, но видимо, вот именно такое сочетание и именно в этих конкретных случаях было не слишком удачным.

Обычно мы на мою фазенду и ездили всем кагалом – друзья-приятели с женами и детьми, на четырех-пяти машинах, благо природа там шикарная – небольшое садовое товарищество на краю леса, где большая часть участков такими же, как я, куплена – изначально нарезку по 12 соток укрупнили, ни одного участка меньше моего нет. В итоге из ста участков осталось пятнадцать, многие соседи живут круглый год. Товарищество окружено лесом, с грибами, черникой, белками, зайцами и даже лосями, и на два-три километра в каждую сторону почти никого нет. Раньше это было заповедное лесничество, но глава администрации решил прикупить небольшой дворец в Испании, так появилось первое садовое товарищество. Сменивший его был не хуже и даже жаднее предшественника, организовав в заповедных ранее лесах новые немногочисленные островки цивилизации. Второго главу по непонятной причине посадили, мы даже удивлялись все – вроде все схвачено у мужика, с кем он умудрился так разойтись во мнениях, я так и не узнал, только Леха многозначительно поднимал глаза, когда речь о нем заходила. Распродажей участков заинтересовались полиция и прокуратура, так что процесс вырубki лесов

почти остановился, после этого появились всего три новых пятна застройки – прокурорский, полиции и областного суда.

К лесничеству от города ведет всего одна дорога, двухполосная, асфальтовая, заменившая, с появлением среди дачников высоких чинов, разбитую грунтовку, причем дорога тупиковая, там же, в лесах, она и заканчивается, поэтому транзитников практически нет, за грибами-ягодами едут только те, кто знает что-то от местных или не в первый раз тут. Три шикарных озера в паре километров, куда приезжают отдыхать с палатками, да так, что летом и местным не протолкнуться, и речка, один из заливов которой проходит прямо по границе участков. Комаров от нее летом – спасу нет, зато природа и все такое, в общем, место отличное.

В этот раз мы решили отдохнуть «без баб». Осень вступила уже в свои права – конец сентября, кое-где листья пожелтели и начали облетать с деревьев, у всех свои семейные заботы по выходным – дети отдыхают в компьютерах, жены – в магазинах, ну и наготовить надо на следующую неделю, и просто отдохнуть у телевизора. Так что наша вылазка обходилась без женских претензий и даже с каким-то подобием благословения – типа, ну пусть хоть на рыбалку съездят, чтобы под ногами не мешались. К тому же погода стояла практически летняя, отдельные смельчаки даже купались, дождей не намечалось, и вообще проводы лета – это прекрасно и традиция.

По той же традиции на такие мужские сабантуи нас возит Жорик Богданов, из-за перенесенного в студенческие годы гепатита пить он не может и шашлык ест жадно, но осторожно, а вот посидеть у костра, ушицы похлевать из свежеевыловленной рыбы – он завсегда. По причине болезненности роль водителя была практически навеки доверена ему, ну и машина у Жоры подходящая для выездов на природу – «Тойота-Тундра» 2008 года с пятилитровым движком. В кузове этой малышки ящик водки просто терялся, так что и удочки, и надувная лодка с мотором, и все остальные вещи не мешали нам свободно располагаться в просторном салоне. Но в этот раз в одной машине мы не уместились, Леха Милославский и Лева Гуревич ехали отдельно на Лехином «Гелике», так что «Тойота» досталась нам троим.

Троим – это и была причина, по которой мы поехали именно на Жорике, и надо сказать, логически обоснованная. И даже две причины, очень даже существенные.

В среду ко мне приехали гости, точнее говоря – один гость, мой двоюродный брат Павел. Личность в нашей компании совершенно фантастическая и легендарная.

Паша – милейший человек, под два метра ростом и весом в полторы сотни килограммов, на пять лет младше меня, был единственным сыном маминой сестры, тети Светы. Тоже личности фантастической и легендарной, потому что только такая женщина могла родить Пашу от дяди Толи – тогда еще лейтенанта, дослужившегося потом до полковника в каких-то спецвойсках. Дядя Толя первый раз увидел своего сына, когда тому было больше года, и с тех пор они виделись эпизодически, но души друг в друге не чаяли. Анатолия Громова я помню загорелым, веселым и всегда трезвым – даже после выпитой в одно лицо почти залпом бутылки водки. На пятнадцать лет он подарил мне, втайне от родителей, пистолет – настоящий, боевой, со словами «вдруг когда-нибудь пригодится», и научил из него стрелять. На двадцать он привез к нам на старую еще дачу снайперскую винтовку, но, выпив с отцом, признал, что это «перебор», и увез обратно с собой, оставив только оптический прицел и десяток патронов. Дядя Толя вечно мотался по своим служебным делам, утверждал даже, что страсть к перемене мест у него от его предков – ассирийцев, и пропал где-то в Южной Америке два года назад. Тетя Света до сих пор его ждет и не верит, что ее муж погиб.

Не то чтобы тетя Света и дядя Толя были плохими родителями – даже наоборот, думаю, любой ребенок хотел бы таких родителей – отца-героя и мать-хирурга, но государство упорно не давало им шанса заняться полноценным воспитанием ребенка. Когда его отец отстреливал в Африке местное неуступчивое население, а мать моталась по командировкам, Пашка переезжал к нам, иногда на неделю-две, а бывало что и на пару месяцев. Ходил со мной в одну школу,

потом даже почти поступил в тот же институт, что и я, но вовремя передумал и выучился на врача-травматолога. Больные его обожали – и как тут по-другому себя поведешь, когда твою ногу или руку берет в ручищи монстр в белом халате. С таким лучше не ссориться, а выздороветь побыстрее.

И была, да так и осталась у Пашки одна особенность, которая и делала его фантастическим и легендарным. Он был ходячей катастрофой. Причем эта его способность вовлекала в катастрофу всех, кто был с ним рядом. И почти каждый случай был прямо-таки эпическим.

В мой восьмой день рождения мы отправились в парк аттракционов. Что может сделать с качелями и каруселями трехлетний пацан, поедающий мороженое? Паша ткнул этим эскимо в распределительный щит, который почему-то именно в этот день и час был открыт. Способность Паши, как тогда выяснилось, подразумевала, что мир будет подстраиваться под него для большего эффекта. Колесо обозрения починили только к вечеру, в ручном режиме его так и не смогли запустить – по иронии судьбы щиток находился рядом с механизмом управления, и в возникшем пожаре шестерни заклинили. Зато другие аттракционы, на которые трехлетнему пацану разрешали проходить, были в полном порядке.

В цирке, куда восьмилетнего Павлика пустили исключительно по недосмотру, брошенная им банановая корка стала причиной побега животных – дрессировщик, засмотревшись на смышленного карапуза, ковыряющего в носу, поскользнулся и головой протаранил работника сцены, запиравшего клетку с тиграми. Циркачи оказались в клетке, тигры гуляли по цирку, а Паша, которого, перепутав с сыном билетерши, пустили за кулисы, веселился. Хорошо, что тигры были сытые, и все обошлось возвратом билетов и визжащей толпой, сбившей одну из опор, на которую крепился шатер. Упавший купол разделил ошалевших животных и не менее ошалевших зрителей, которые потом прорывались с боем сквозь обрезиненную ткань. Скандал был жуткий, виновник – дрессировщик, утверждал, что не виноват, но ему, естественно, никто не верил.

Историю Пашиной любви до сих пор иногда вспоминают, как сказку, Впрочем, роль самого Паши в этой истории замалчивается – он в который раз сумел сохранить инкогнито. Получив от заехавшего на неделю отца очередных трендюлей за двойки и небольшую стопку денег, а от матери – очередную путевку в наш город на месяц-полтора, Павлуша решил шикануть и пригласил девушку в ресторан. Но поскольку стопка была небольшой, а кроме ресторана еще многое хотелось, да и не было уверенности, что именно эта девушка и именно после этого кабака ответит на Пашины чувства, расчетливый кузен решил немного сэкономить.

Ресторан «Аврора» не был беляшной или пельменной, и еду там подавали вполне приличную и очень даже недорого. И столиков там было немного, с десятков, и певица с красивым голосом и ногами каждый вторник и пятницу со сцены исполняла легкий блюз, и опять же стоило это очень недорого, и именно во вторник и пятницу. Но если бы Паша спросил меня или Леху Милославского, стоит ли вести девушку в это шикарное место за копейки буквально, то я, может быть, и ступил, а вот Леха сразу бы сказал – нет. Потому что в эти дни там ужинал местный криминальный дон, Вахтанг Чавтхадзе, интеллигентнейший человек, державший городские рынки и подпольные швейные цеха восточной части города в своих крепких волосатых ладонях. Вахтанг любил джаз и не любил шумные компании, поэтому во вторник и пятницу в ресторане было спецобслуживание. И скидка в 85 процентов – не знаю, какой логикой руководствовался хозяин ресторана, официально назначая цены, может потому, что Вахтанг всегда платил за то, что ел и пил, и не позволял ни себе, ни своей охране обижать работников общепита.

Пашина девушка была воспитания простого и дальше чебурачных и фургонов быстрого питания никуда не ходила, откуда ей было знать, что мероприятие в пафосном ресторане может перестать быть культурным. Про Вахтанга она слышала примерно так, как мы про американ-

ского президента – он есть, и все знают примерно, чем он занимается, но по большому счету живут с ним в совершенно разных плоскостях.

Паша и в 17 лет был незаурядных габаритов, и когда он с малолеткой подъехал к ресторану на такси, должен был привлечь внимание. Но не привлек – сработал Пашин скилл. Швейцару именно в этот момент приспичило отойти не знаю по какому делу, а охрана пялилась на приехавших проституток и, видимо, приняла Пашу за сутенера – в модной кожаной куртке, темных очках и с пигалицей в руках он именно так и выглядел. Настоящий сутенер, который тоже там околачивался, не смотрелся на его фоне вообще. В общем, Паша беспрепятственно прошел в ресторан, сел за столик около окна и принялся усиленно ждать официанта, исследуя девичьи прелести под девичье же повизгивание. Минут через пятнадцать появился главный гость вечера в сопровождении своей команды, они расселись, засновали туда-сюда официанты, разнося любимые блюда местечкового дона и зажигая на столах свечи. Павел внимания почему-то не привлек, зато поведение его девушки было воспринято негативно. Надо сказать, что в зале, кроме певички и Пашиной подружки, вообще девушек не было – Вахтанг предпочитал ужинать в сугубо мужской компании, так что приехавших проституток разместили в соседствовавшей с рестораном сауне, и повизгивания вызвали сначала недоумение, а потом и вполне ожидаемую реакцию.

К Паше подошел качок из охраны, объяснить новичку (как он думал – посторонних в ресторане не должно было быть), что тот совсем не по понятиям ведет себя. И все бы обошлось парой сломанных ребер и торжественным выбросом Пашиного тела из общепита, но вот за каким хреном братец решил взять с собой купленный на рынке травмат – он сам потом не мог объяснить. Стрелять он умел, несмотря на отца-спецназовца, только мимо цели.

Выпавший на пол пистолет был воспринят охраной однозначно – в зале только у двух охранников Вахтанга было оружие. Один из них нацелил на Пашку ствол, а второй поволок Вахтанга под стол – прятаться. Певичка продолжала петь, а вот саксофонист в лучших традициях гангстерских фильмов, как оказалось, аккурат во время Пашиного перформанса распахнул чемоданчик, достал оттуда винтовку и выцеливал Вахтанга, неожиданно ушедшего с линии огня. Безоружная охрана бросилась спасать шефа, и саксофонист, поняв, что его коварный замысел раскрыт, размочил счет, прострелив особо ретивому бодигарду руку.

Ворвавшееся подкрепление бодро вступило в схватку, разрядив пистолеты в сцену, в ответ внезапно вооружившийся ансамбль, столкнув певичку на пол, тоже открыл огонь. Как потом оказалось, новых музыкантов наняли буквально за три дня до этого, и что это оказались за люди и чьи – подробностей никто не знал, но слухи потом ходили всякие.

Паша, насмотревшись боевиков и решив дорого продать свою жизнь, схватил непочатую еще бутылку коньяка и запустил в саксофониста. Бутылку подстрелили на лету, прямо возле столика с горящими свечами. В напряженной обстановке пожар никто тушить не решился.

Здание ресторана выгорело полностью. Было сделано около полусотни выстрелов, судя по обнаруженным милицией гильзам, однако по какой-то случайности пострадавших было всего четверо – раненный в самом начале охранник, сломавшая ключицу певичка, Вахтанг, которому бодигард вывихнул руку, затаскивая под стол, и хозяин ресторана, с которым потом разбирались братки. Музыкантам под прикрытием дыма удалось убежать, но видимо недалеко, неопознанные трупы через какое-то нашли в местном лесочке, так что плюсовать к пострадавшим при пожаре не стали.

Паша тоже убежал из города, после того как узнал, что его ищут люди Вахтанга, наверное, чтобы поблагодарить за чудесное спасение главара. И только после того, как дядя Толя приехал и лично с кем-то там перетер этот вопрос, Павел смог опять нас навещать. И даже вроде как от людей Вахтанга получил подарок и обещание вписаться за него, если что.

А людская молва, не удовлетворившись сломанной ключицей и простреленной рукой, сначала говорила о двадцати погибших, а уже через несколько месяцев их число выросло до

сотни, ну а потом кипеш утих, и только иногда, когда речь заходила о скуке провинциальной жизни, вспоминали, мол – и у нас есть своя мафия.

Так что, с одной стороны, Паша был ходячим кошмаром. А с другой, от его выходок по-серьёзному никто, кроме музыкальных работников, не страдал. И поэтому мы решили, что он поедет со мной и с Жорой, потому что Жора, наоборот, был удачливым сукиным сыном. Даже машину, на которой мы собирались ехать, он купил, выиграв деньги в лотерею, в которую из моих знакомых никто и никогда не – выигрывал вообще ничего, кроме «еще одного билета». Правда, выигрыш пришлось вытрясать из жадных ручонки лохотронщиков, но это отдельная история, еще больше сдружившая Жору и Леху Милославского.

Мы надеялись, что минус на плюс даст спокойный ноль в счетчике происшествий, и непонятно почему наши надежды сбылись, доехали до места мы без всяких неожиданностей.

Выехали мы в пятницу под ночь, чтобы уже рано утром выдвинуться к рыбным местам. Рыбалка в конце сентября – дело ответственное и совсем не простое. Давление скачет, и рыба даже при ясной погоде может не клевать. Зато как раз в это время хищная рыба нагуливает жирок, так что и щука, и окунь, и судак отлично ловятся на спиннинг.

Я предпочитаю ловить на блесну – щука на большой глубине, а речка примерно в паре километров от наших участков разливается в ширину метров на пятьдесят и в глубину до десяти, хватает почти любую наживку. Вот Леха – тот мастер по судакам, прошлой осенью рыбку килограмма на четыре вытащил, сам не видел бы – не поверил. Жорик с Левого поехали просто за компанию, первый – закусить, а второй – выпить и отдохнуть от жены.

Мы подъехали к даче почти в полночь, поставили машину во двор и разбрелись по комнатам. А на рассвете по лесной колее выдвинулись к месту лова, к насиженному уже за несколько лет месту.

Не могу назвать себя заядлым рыбаком, свежий воздух, отличная природа и не менее отличная компания, на мой взгляд, куда важнее самого процесса рыбалки. Даже водка практически не пьянит, а наоборот – бодрит. Да и выпили почти ничего – две бутылки на четверых, точнее говоря на троих. Зато наотдыхались так, что предстоящая рабочая неделя у моих друзей уже не вызвала явного отторжения. Ну а мне, по причине общей лени и небольшой загруженности рабочими обязанностями, было просто хорошо и комфортно.

Правда, Леха в очередной раз пытался мне обратно впарить мою бывшую компанию, но даже в слегка пьяном состоянии я был начеку и твердо отказался – теперь это не мой крест, пусть Милославский несет. На удивление, Паша не создавал проблем, наоборот, улов у него был что надо – вытащил из воды какую-то девицу и какое-то время вешал ей лапшу на уши, видимо безуспешно, телефон она свой ему дала. Девушка жила в поселке прокурорских, Павел уезжать пока не собирался, так что у него были все шансы на развитие отношений. Я же с высоты своего возраста смотрел на все эти потуги снисходительно, к тому же подружка у девушки была совершенно не в моем вкусе, вот готов об заклад побиться, что у нее две или три кошки точно есть, хотя Лева Гуревич утверждал, что ее отец – чуть ли не председатель областного суда, и даже подумывал о разводе с последующей женитьбой на кошатнице. Пришлось отпаивать его коньяком, чтобы не дурил.

Возвращались мы на дачу без Пашки, тот появился только под утро, получив за завтраком выговор от моей матери, который, впрочем, был отменен, стоило ей узнать, что девушка из хорошей семьи и очень порядочная. Так что под дружные смешки остальных участников мероприятия мамино внимание переключилось на меня – типа, вот Паша нашел себе невесту, а ты никогда не женишься. Пашка помигивал, рассказал матери, какая у его будущей избранницы замечательная подруга, за что получил пинок под столом.

Воскресный день прошел на том же месте, Жора, обалдев от аскетизма, даже испугался, заслужив своей смелостью наши аплодисменты, а кубиками на животе – плотоядные взгляды и одобрительные повизгивания очередной девичьей компании.

Девушки любят ходить стайками. Эта была практически стандартной – две симпатичные подружки-хохотушки и одна мрачная толстушка для противовеса, причем буквально весила она, как остальные две. Но эти две и впрямь были дамы, достойные всяческого обожания, что Паша и доказал, сразу позабыв вчерашнюю подругу.

А вот Жора – кремень, сразу показал обручальное кольцо, заслужив одобрительный взгляд мрачной части девичьей команды, и чуть напрягая мускулы на голом торсе – внимание любому приятно, да еще и погоды дивные стоят, занимался шашлыком.

Леха Гуревич тоже опрометчиво полез купаться, но его круглый адвокатский животик и тонкие юридические ручки охов и ахов женской компании не вызвали, так что подвиг нашего друга остался неоцененным. В качестве компенсации пришлось влить в него текилы, отчего парень размяк, принялся травить еврейские анекдоты, и это был правильный путь к заслуженному успеху у всех присутствующих.

Поймав две рыбины, обе – на счету Милославского, а если считать и девочек, то получалась ничья 2: 2 между ним и Пашкой, довольные, слегка загоровшие и совсем чуть-чуть пьяные, мы наконец вернулись ко мне на фазенду.

Вечером, с пакетами свежескопченной рыбы, банками варенья и солений, корзинкой ремонтантной клубники и хорошим настроением, друзья на «Тундре» Жоры отчалили в город. Леха оставил мне машину, чтобы было на чем вернуться в понедельник домой.

Стемнело, мы с родителями и Павлом сидели на веранде у антикварного медного самовара, прихлебывая чай и заедая его плюшками, глаза практически слипались, и я совсем уже решил отправиться на боковую, как вдруг Пашка обнаружил, что оставил у реки свою сумку.

– Марк, дашь велик, сгоняю к реке, я ее точно у берега забыл, – Паша по жизни был оптимистом. Хотя основания у него были – мы уходили от реки практически последние, народу уже почти никого не оставалось, да и сумка у Пашки была незаметная, цвета хаки – небольшой органайзер, немудрено, что он ее не заметил, когда уходил. Да и нам никому в глаза она не бросилась, значит, и другие может быть мимо пройдут.

– Сейчас, подожди, наберу ребят. Может, ты у Жорика в машине выронил, или здесь где валяется. Если не найдем – вместе съездим на квадрике, вдвоем быстрее найдем.

– Да я один справлюсь, чего ты, – заупрямился Пашка.

– Не спорь. У тебя там важное что-то? Документы? Телефон?

– Да нет там ничего, документы я всегда в кармане ношу, и кошелек с телефоном. Там так, мелочи всякие.

– Это хорошо. Все равно, давай иди ищи здесь, а я Жорику отзвонюсь.

Жорик ничего в машине не находил. Более того, он вроде вспомнил, что сегодня туда Пашка ехал с сумкой, а уже обратно – без. Так что оставался один вариант – прогуляться к месту нашей рыбалки. Места безлюдные, навряд ли кто ее там обнаружил в воскресенье вечером, да и люди вокруг такие живут, что по мелочам тырить не будут, вот совсем недавно замглавы района потерял айфон, так ему на следующий день позвонили и вернули. Правда, когда начальник полиции свой «верту» в магазине забыл, пришлось ему самому искать – через сотового оператора и пеленг, вернул только дня через три в соседней области, нашедшие приехали оказались, местных обычаев не знали, за что и поплатились, но сейчас вроде не сезон, гастарбайтеры уже разъехались.

Так что я пошел к гаражу за квадроциклом, а Павел решил ворота открыть. Я отвернулся буквально на секунду, чтобы пропустить момент, когда он, зачем-то обходя кусты смородины со стороны забора, провалился ногой в какую-то ямку. И как он только ее нашел, единственная, наверное, на весь участок. Сто пятьдесят килограммов, когда падают на землю, вполне могут сами нанести себе тяжкие телесные, а если им еще поможет сучковатое бревнышко, непонятно почему не пошедшее в костер... Короче, ногу Пашка повредил и руку разодрал знатно, так что пока я помогал ему подняться – сам кровью заляпался. Потом охающая мать пыталась

ему помочь, но практикующий травматолог сам справился – диагностировал у себя отсутствие переломов и наличие сильного растяжения, небольшую потерю крови, обработал и заклеил каким-то спреем рану, благо разодранная рука была левая, и сообщил, что все так же готов ехать за потерянным имуществом.

– Ну уж нет, – заявил я ему. – Сиди и лечись, врач хренов, кошмар ходячий.

Пашка надулся, но остался. Тем более что мать такой крик подняла, что он просто обязан был остаться, чтобы ее успокоить и заодно не дать позвонить тете Свете, которая примчалась бы спасать кровиночку с другого края Земли.

А я скинул заляпанную кровью куртку, натянул чистую толстовку – ночи уже были прохладные, градусов десять, засунул в карман травмат – на всякий случай, и, заведя квадроцикл, направился к реке – два километра по лесной обкатанной машинами грунтовке, это не больше пяти минут. В начале октября темнеет рано, и ночь как назло выдалась безлунная, с облаками, но мощная фара на квадрике была далеко, так что задавить какое-нибудь глупое животное, решившее прогуляться, я почти не опасался. А так-то тут и лоси, и кабаны водились, но к машинам попривыкли и наперерез практически не выскакивали.

Я мчался со скоростью километров тридцать в час по грунтовке, ярко освещая дорогу дальним светом и включив магнитола – один знакомый говорил, что это помогает отпугнуть животных, так что подстраховаться не мешало, да еще и подпевал громким, не испорченным уроками вокала голосом старой шведской группы.

От такой какофонии, думаю, все окрестные звери должны были решить покинуть негостеприимные места навсегда и уж как минимум – не мешать сума-шедшему наезднику рассекать по сумеречному лесу.

Притормозил возле поляны, на которой мы еще днем сидели, – как бы не раздавить эту сумку, достал мощный туристский фонарь и принялся обшаривать все кругом. Сумку я нашел минут через пять – Пашка повесил ее на дерево на высоте чуть выше двух метров, да еще ручку закрутил, так что она и днем была бы малозаметна, а уж ночью – я можно сказать случайно на нее наткнулся. Вот кабан здоровый, ему-то достать ее особо не напрягаясь, а я попрыгал вокруг, пока ремень распутывал. Посмотрел – молния закрыта, внутри вроде тоже что-то есть. Отзвонился Пашке, доложил, спросил – надо ли проверить, все ли на месте, но тот, обрадовавшийся нашедшейся пропаже, сказал, мол, чего там беспокоиться, если что и украли, уже не вернуть. Но я все равно повесил сумку на сучок пониже и поводил фонарем вокруг, мало ли что выпало.

Странно, я отвел луч фонаря от сумки, но она продолжала светиться изнутри. Материал был достаточно плотным, но все равно – свет пробивался через него и особенно через швы. Телефон Пашка вроде не забыл, только что с ним разговаривали, интересно, что там. Наверное, какая-нибудь китайская фигня, которая светится в темноте, заказывал такие фигурки на «Али». Надо было бы, конечно, позвонить и спросить разрешения пошарить по чужим вещам, но разве ж это чужие. Мы же с ним с детства ближе, чем родные братья, так что не обидится, а мне любопытно.

Залез в сумку и руку сразу отдернул – внутри было что-то очень и очень теплое, почти горячее, явно не фигурка, а вполне возможно, что какой-то неисправный китайский девайс. Вот молодец, что полез, так ведь и сгореть можно. Нашарил этот пожароопасный предмет, достал.

В руках я держал голубоватый кристалл, светивший с одной стороны пронзительно ярким голубым же светом. Другая сторона при этом оставалась совершенно темной, такое впечатление, что его сделали из двух разных частей. Кристалл был не идеальным, ровных граней практически не было – похож на обычный выломанный откуда-то кусок кварца, я и раньше находил подобные, и даже, обнаружив в одном из них несколько золотистых песчинок, пытался изобразить из себя золотодобытчика. Безуспешно – как потом выяснилось, это был пирит. Но

те куски кварца совершенно точно не светились, несколько до сих пор валялись у меня в гараже и в темноте никак себя не проявляли. Значит, вкрапления фосфора. Хотя нет, от фосфора кварц не нагревается, тут что-то другое. Я поворачивал кристалл и так, и эдак, держа за холодный темный край, словил световой поток глазами и отмаргивался от остаточного свечения на сетчатке.

Надо же, где-то я эту вещицу видел у Пашки, вот только откуда она у него – никак не вспомню. Но точно этот камень у них дома валялся, или такой же. Еще тетя Света говорила, что это дядя Толя из какой-то командировки в Африку привез, хотя тот и утверждал, что все это враки, и просто нашел камень рядом с домом и подобрал, потому что красивый.

Попытался положить булыган на место – но не получилось, он словно прилип к коже. Неужели в каком-то клее умудрился испачкаться?

Я потряс рукой – кристалл тут же ощутимо нагрелся даже темной стороной и уже жег кожу ладони. Градусов 55, не меньше, держать его было почти невозможно, попытался перехватить в другую руку, зажав край толстовки – кварц не отлипал. Жгло все сильнее. Я старался стряхнуть камень на землю, отлепить другой рукой, даже ногами пробовал зажать, все без толку, боль стала сильной до крика, как при сильном ожоге, хорошо хоть рядом река – я бросился к ней, надеясь охладить руку с камнем водой, споткнулся, хорошо приложился головой об землю и потерял сознание.

2

Я всегда просыпаюсь сразу. Не ворочаюсь в полудреме, не продлеваю сладкий утренний сон еще на несколько минут-полчасика-час. Открыл глаза, потянулся, сел на кровати, встал с нужной ноги – а они мне обе нужны, бодрый и в хорошем настроении. Сны почти никогда не помню, если бы не наука, утверждающая, что без снов никак нельзя, был бы уверен, что и не снятся они мне почти. Но иногда, очень редко, бывают красивые такие, цветные сны, и обязательно с каким-нибудь увлекательным сюжетом. И тогда я несколько минут лежу с закрытыми глазами, можно сказать – досыпаю, это такое приятное состояние, когда осознаешь, что уже не спишь, а сон еще никуда не ушел, и можно в нем вполне осознанно сделать что-то героическое или просто приятное. Я не слишком верю в осознанные сновидения, каждый сходит с ума посвоему, но вот это ощущение полусна, на стыке сознания и небытия – классное.

Последний сон определенно был не то чтобы необычным поначалу, но очень натуралистичным. Будто бы я поперся зачем-то на берег реки на квадроцикле, в ночь, искать Пашкину сумку, которую он потерял, совершенно стандартная ситуация, какой раз мне Пашку выручать приходится. А потом, когда я эту сумку нашел, в ней оказался пылающий огненный элемент, который проник ко мне под кожу, чтобы захватить зачем-то мое тело, безо всяких предварительных условий и предложений всемогущества, или что еще там они обычно втюхивают. Но вот хрен у него что получилось. Я потянулся и представил себе, как подчинил могучую стихию, подобрал ее в себя, и теплое чувство покоя прямо-таки разлилось по телу, как в те далекие времена, когда я с подачи одной тяжелой на голову знакомой баловался аутотренингом. Люблю тепло, но не жару, сон прямо в руку – надо будет махнуть на Майорку, как раз к этому времени основная масса туристов уже схлынула, воздух еще держится своих 25–27 градусов, хотя почти сравнялся температурой с морем, белый песочек Пальмиры еще прогревает, но уже не обжигает, вечером прохладно, можно гулять по набережной, посидеть в кафе, заказать пазлю или какие-нибудь морепродукты, белое вино или бутылочку «Биниграу». Можно взять с собой Таню или Катю. Или Таню... Да, определенно, к тому же у нее есть шенген, а с Катей мы капитально рассорились.

Пойду, позвоню ей.

Для этого надо встать.

Что же творится, встать-то я не могу.

Что-то удерживало мои руки, ноги и голову, позволяя шевелиться, но не более. И глаза были завязаны, хотя нет, я поморгал – не было ощущения повязки, скорее всего, вокруг было темно. Абсолютная такая темнота, которой не бывает в наших квартирах, где через щели в жалюзи или шторах обязательно пробивается свет солнца или фонаря, или соседской машины со сработавшей сигнализацией. Такая темнота пугает, нет ориентиров, на которых сознание строит пространство. И вообще неудобно физически, лежал я на чем-то жестком, возможно даже на камне. Я поводил ладонью насколько мог по гладкой поверхности, постучал подушечками пальцев – определенно камень. Судя по трещинкам и идеальной полировке, может быть даже мрамор.

Это куда же меня занесло? На кладбище в склеп? И почему я не могу встать?

Самым разумным объяснением было бы то, что я сплю и в то же время не сплю. Бывает такое состояние, когда мозг почти проснулся, но еще не получил контроль над телом, и человек не может даже глаза открыть, пытается, понимает, что уже не спит, но никак не получается. Кажется, это называется диссоциативный ступор, хотя вроде при нем рукой не по-двигаешь.

Но я точно не спал – дотянувшись до ноги, что есть силы ущипнул себя за бедро и хорошенько почувствовал бодрствование.

Постарался освободиться, но безуспешно. Такое ощущение, что мое тело прилипло к камню – причем притянуло его прямо через одежду, как магнитом. Можно было чуть раскачиваться из стороны в сторону, шевелить ступнями и кистями, но и только. Затылок удерживался подобно магниту на холодильнике – можно без затруднений сдвинуть в сторону, но чтобы отлепить, необходимо некоторое усилие, на которое меня как раз не хватало.

Я прокашлялся – обезвоженное горло саднило, и попытался позвать на помощь. Глупый поступок, мне это было понятно заранее, зачастую как раз попытка позвать кого-то приводит не помощь, а совсем даже наоборот, тем более в такой темноте и на совершенно незнакомой мне поверхности. Но я попытался.

– Эй, кто там где-нибудь, – просипел я чуть громче, чем шепотом, прокашлялся еще раз, потом пошел на второй заход: – Эй, люди, пить!

Никто не откликнулся. К тому же к жажде примешивалось совсем другое, противоположное чувство, которое скорее требовало свободы движений, а не просто чьего-то присутствия. Я дернулся еще пару раз, проверяя, насколько свободно я могу скользить по каменной поверхности. С трудом, но получалось сдвинуться на пару сантиметров, но без упора или внешнего воздействия дальше дело не пошло. Я поводил руками – они как раз более-менее двигались по плоскости, пытаюсь нащупать край своего ложа, чтобы было за что схватиться, но судя по всему, либо ширина его была больше двух метров, либо я вообще лежал на полу, и тогда скатываться мне было некуда.

Так я побарахтался минут десять, наверное, прежде чем до меня дошло, что вокруг стало немного светлее. Не полумрак еще, но и не темнота «выколи глаз», можно было, если напрячь глаза, разглядеть очертания предметов неподалеку.

Я действительно лежал на некоем возвышении, судя по его границе, которая была сантиметрах в пятнадцати от правой руки – я не достал до края буквально чуть-чуть. Белая поверхность обрывалась в темноту, за которой угадывались какие-то предметы интерьера. Возможно тумбочка, а возможно, загадал я, и мини-холодильник с холодным пивом или на худой конец минералкой. Да даже если в нем будет просто лед, и то я бы с огромным наслаждением сейчас рассосал бы кусочек.

С другой стороны от меня была, судя по всему, стена, где-то в метре от руки, точно не сказать, темнота сильно искажает расстояния. Но даже если я как-то доползу до нее и упрусь ногами, сильно мне это при моем среднем росте не поможет.

Некоторое время я снова двигался, пытаюсь понять, где сила трения мне поможет приблизиться к цели, а где наоборот – помешает. Гладкая толстовка скользила по поверхности немного легче края подошвы кроссовок, хотя и не слишком, поверхность была гладкой, очень гладкой. И все мои дрыганья все равно оставляли какое-то расстояние между мной и точкой, за которую можно зацепиться хотя бы одним пальцем.

Да! Надо рискнуть. Я оставил попытки дотянуться до края лежанки и попытался развернуться на девяносто градусов, ногами к стене. Если оттолкнуться посильнее, то можно сместиться к краю. Тем более что центр вращения был где-то в районе лопаток, и возможно, ногами до стенки я дотянусь.

Перебирая подошвами по два-три сантиметра, подтянул ноги к стене, как мог потянулся пальцами и – ура! – уперся в стенку. Теперь толчок.

Я кубарем слетел с ложа и грохнулся теперь уже точно на пол с высоты примерно метр, основательно разбив себе плечо, вывихнув (надеюсь) кисть и расквасив верхнюю губу. Рот немедленно наполнился слюной со вкусом крови. Ощупал зубы языком – вроде все целы, даже не шатаются. Мыча от боли, сел, держа больную руку на весу, и назвал себя идиотом. В другую сторону надо было вертеться, спустил бы сначала ноги и спокойно бы слез.

На полу было так же неудобно и жестко, как на лежанке, но по крайней мере никто меня в движениях не ограничивал. Поэтому я попытался встать – ухватился за край возвышения,

к которому рука сразу прилипла, подтянул себя с кряхтением, сначала на колени, а потом и на ноги поднялся.

Огляделся вокруг – за то время, пока я занимался всякой акробатикой, посветлело еще больше. Комната, в которой я непонятно как очутился, была размерами примерно шесть на шесть, без окон и дверей. То ложе, на котором я очнулся, тянулось во всю стену, то есть я оказался практически в углу. В ширину оно было действительно больше двух метров и занимало почти половину комнаты. Гипотетический холодильник, в который я как раз и влетел верхней челюстью, представлял собой монолитный куб с метровым ребром, без каких-то дверец, технологических отверстий, кранов пивопровода – в общем, совершенно нефункциональный, на мой взгляд, предмет. Напротив меня, у другой стены, стоял точно такой же куб. Я – поводил рукой по граням, еще раз проверяя, не упустил ли чего, но нет, бесполезность для меня этого предмета подтвердилась.

Вспомнил про смартфон – ну вот, хорошо упал, через экран шла трещина, подсветка включилась, но и только, изображения на экране не было вообще. Это я хорошо сходил, на тридцатку. Нашупал в кармане травмат, достал, проверил, стоит на предохранителе. Ну это теперь лишнее, когда падал, да, мог выстрелить, так что можно снять, пусть будет готов, живым я им не дам. Еще бы знать, кому это – им, и поскорее сдаться в плен, а то жрать охота, ну и в туалет не мешало бы сходить.

Свет падал откуда-то сверху по центру, из-за этого высоту потолка было сложно определить. Стык его со стеной терялся во мраке, но навскидку расстояние от пола до потолка было не меньше четырех-пяти метров. Сама комната была оформлена в минималистском стиле, белый лежак толщиной сантиметров пятнадцать, выступающий из стены, и белые же монолитные тумбочки при абсолютно черных других поверхностях, смотрелось стильно и немного зловеще. Я представил пятна крови на белой поверхности, поежился, потом пригляделся и увидел такое пятно на тумбочке. Потрогал губу, запекшаяся кровь под носом показала, что одной губой дело не обошлось. Ну да ладно, носовое кровотечение, тем более уже остановившееся – это не та проблема, которая сейчас для меня является основной.

Походил по комнате, измерив ее шагами – да, практически четыре на шесть размер пола, ну и лежанка еще. Поводил руками по стенам, вдруг обнаружится какой-нибудь стык или потайной лаз, или выступ, на который надо нажать, чтобы все это появилось. Но нет, никаких выходов для обитателей комнаты предусмотрено не было, или их надо было тщательнее искать. Попытался отодвинуть сначала одну тумбочку, потом вторую, но они даже не пошевелились, судя по всему, были монолитными. А куб мрамора я бы и в лучшие времена, и не один, не сдвинул бы.

Залез под лежанку, пошарил руками там – в фильмах потайные ходы делали под кроватями, чтобы в случае чего, ну там муж пришел не вовремя или в других подобных ситуациях, они были бы так сказать под рукой. Не прокатило – идеально гладкая поверхность лежанки и шершавые стены и пол не содержали никаких намеков на какие-то пути выхода наружу.

– Замуровали, демоны! – продекламировал я фразу из известной советской комедии. Прислушался. Крикнул.

Что интересно – при такой высоте потолка совершенно не было эха, звук словно поглощался поверхностями. Каменные стены должны были резонировать, но этого не происходило. Поорав минут пять и так и не добившись эха, я обзавелся только еще большей сухостью в горле, зато немного заглушил другую потребность. Хотя куда там – заглушил, еще полчаса, и я взорвусь. Гадить в комнате мне не позволяло воспитание, но еще немного, я плюну на него слюной и где-нибудь в углу внесу цветное разнообразие в это черно-белое кино.

Ну а что делать, стучать ногами-руками по стене? Подолбите по бетонной стене кроссовками, а потом еще кулаками. Ну и лбом обязательно – на фигу голова, если мозга нет, может, услышит кто.

Поэтому я просто ходил от стены к стене – семь шагов в одну сторону, семь в другую, иногда подпрыгивая, заодно размялся немного. Тем более что комнату я уже осмотрел, освещение, замерев на одной интенсивности свечения, дальше увеличиваться не собиралось, значит, оставалось только ждать.

И когда на противоположной лежанке стене вдруг появился светящийся прямоугольник, и этот сегмент стены просто исчез, обнаружив за собой каких-то людей, я просто помахал им рукой. В коридоре, куда, видимо, выходило это вновь образовавшееся отверстие, было значительно светлее, и мой жест остался практически незамеченным.

Первым в комнату влетел явно знакомый мне человек, причем по моему мироощущению – с того света. Он сжал меня в объятиях, словно дорогого и горячо любимого родственника, прижался щекой к моей щеке и радостно закричал:

– Пашка, сынок!

– Привет, дядя Толь. Это я, Марк. А где тут у вас туалет?

3

– Вот такие дела, Марк. – Неожиданно восставший из небытия и значительно помолодевший дядя Толя сидел напротив меня, совсем по-домашнему прихлебывая из блюдечка чай и заедая его шоколадными профитролями. – Даже и не знаю, что тебе еще рассказать. Если есть вопросы, спрашивай, а дальше будем думать, что с тобой делать. Ты ешь давай, вон худой какой, и как я тебя с Пашкой перепутал, не пойму.

Что со мной делать, я не знал, вообще вся эта история была нереальной, и я временами щипал себя за излеченную местной медициной кисть, чтобы убедиться, что не сплю. На глаз еще периодически надавливал – изображение раздваивалось, убеждая меня в действительности происходящего, которое пока что меня беспокоило.

Из очевидных плюсов было два – во-первых, дядя Толя оказался живее всех живых. Когда он влетел в комнату и начал меня лапать по-родственному, я растерялся и не знал, что сказать. Вроде бы простились с человеком, тетя Света с мамой его поминали только недавно, правда тетя как-то легко, без надрыва, но все равно – человек по всем признакам умер, сгинул в дельте Амазонки, откуда живым самостоятельно, после долгого отсутствия, редко кто возвращается, и тут вдруг на тебе – обниматься лезет.

И пусть я его разочаровал – оказался всего лишь племянником, но военнотружущий человек держал себя в руках, только глаза говорили, что что-то такое важное он в момент моего узнавания потерял. И ведь мы с Пашкой совершенно не похожи – он как полтора меня, но все равно спутал. Хотя уверен – узнай он меня прямо на входе, все равно бы обнял, не такой дядя Толя человек, чтобы родственниками разбрасываться.

Как понял, что это не его сын, сразу объятий не разомкнул, обнял еще раз крепко, потом отодвинул немного от себя, оглядел внимательно, спросил: «С Пашкой все в порядке?», и после того, как я кивнул, что-то рявкнул сопровождающим. Тут же влетели двое явно в военной форме, пятнистые комбезы, ботинки на высокой шнуровке, подхватили меня и понесли куда-то, а следом семенил молодой парень в сандалиях и смешной хламиде нежно-розового цвета. Ну и дядя Толя за ними, вроде как чтобы поторапливались.

Процессия во главе со мной влетела в кипенно-белое помещение, совершенно пустое, если не считать стеклянного гроба технологического вида на постаменте, я оказался в считанные секунды раздет и уложен в это подобие саркофага. И как только они с меня джинсы так быстро стянуть умудрились, не пойму, но подружкам, если встречу еще, намекну, что не совершенны они в этом, есть куда более талантливые люди. И все. Не знаю, что произошло дальше, просто потерял сознание.

Очнувшись уже с плюсом номер два – поврежденная кисть не болела, хотя почти уверен, что вывих был точно, а со временем боль только усиливается. Но нет, не тревожило вообще ничего, потрогал языком губу, та была совершенно нормальной, словно и не бился о каменную твердь.

Я лежал на вполне привычной удобной кровати, все как полагается в лучших домах – подушки, одеяло, шелковое постельное белье, даже балдахин был в наличии, занавеси с кистями прихвачены на опорах, белье вот только не мое – красная майка и такого же цвета боксеры из приятного на ощупь материала, похоже что синтетического, по структуре похожего на термо. На ногах белые носки с принтом какого-то странного зверька. Зеленая присоска на запястье смотрелась чужеродным предметом, что-то там мне подмигивала горящим светодиодом, но вроде как зеленый цвет – безопасный, и я даже не попытался ее отодрать, мало ли для чего прицепили, тут торопиться не надо. Чувства голода, жажды, как и ощущения обратных физиологических потребностей не было, организм словно был напитан энергией, такое случается, когда плотно поужинаешь и отлично выспишься, часов десять-одиннадцать, причем в одиночестве. Сама комната была небольшой, только кровать и небольшое простран-

ство вокруг нее, обычная дверь с блестящей золотой ручкой, на левой от меня стене окно с бежевыми жалюзи, через которые пробивался солнечный свет. На потолке – четырехрожковая люстра с зелеными матерчатыми абажурами. Все было таким обычным, что немного пугало. Не могла такая обычность сосуществовать с черно-белой комнатой и непонятными хай-тек саркофагами.

Пока я оглядывался вокруг, дверь осторожно открылась, и в образовавшуюся щель просочился давешний молодой человек в накидке нетрадиционного цвета.

– Ме ген ас ке зиг, лу Марк, – улыбнулся он мне, приветственно помахав рукой.

– Ме тига, лу Самти, – машинально поздоровался я на почему-то известном мне языке. Ну да, на вопрос, все ли в порядке, заверил, что – вполне.

Читал ведь как-то про такое, крадут людей инопланетяне, потом учат своему языку, рабочий ошейник или вот как у меня – присоска на запястье, и вперед, Марк, окучивай картошку на астероидах. Или волшебную руду добывай из навоза единорогов. Этот язык я отлично понимал, хотя казалось, думал и говорил по-русски. И ко всему никакой необычной артикуляции, вполне земная фонетика, а ведь когда пытаешься говорить на иностранном языке, основная сложность – мышцы лица «заточены» под родной, и не привыкли двигаться по-другому.

– Рад, что ты проснулся, – продолжал нести тарабарщину этот улыбчивый тип. – Процедуры прошли почти нормально, через два часа можно есть, потом эн Громеш примет тебя в кабинете. Как чувствуешь себя?

– Вроде неплохо, – потянулся я. – Выспался, вроде как даже с избытком. Я помню, меня в какой-то саркофаг запихивали, да?

– Лечебный модуль. Тяжелый случай, очень много запущенных заболеваний, пришлось даже дополнительные картриджи и модули ставить. Ты, наверное, военный или из совсем отсталых миров?

Я ощупал себя, прислушался к ощущениям. Вроде раньше не болел ничем серьезным, ну печень иногда пошаливала, поджелудочная после обильных мясных застолий, голова болела – ну как у всех, мигрень на погоду, ломота на атмосферное давление. Спина – ну так у всех спина, остеохондроз от сидячего образа жизни. Чего они там нашли? Хотя докторам только дай до пациента докопаться, окажется, что чудом еще жив, пришел я как-то в одну коммерческую клинику пломбу на зуб поставить. Кстати, как там пломбы?

Что странно, даже намек на разрушающийся зуб, который я все никак не решался сделать, хотя мой стоматолог, Иван Моисеевич, давно к себе звал. Чудесный человек, лишних денег не брал и впустую зубы не вырывал, к нему вся верхушка городская лечиться ходила.

Так вот, зуб был на месте, а щербинки от отколовшейся эмали не было. Неужели приросла?

– Зубы пришлось исправлять в первую очередь, – Самти развернул в воздухе что-то вроде голографического планшета, – там такой ужас творился, надеюсь, врача твоего сожгли на костре вместе с семьей, но мы тебя подлатали, так что теперь ты почти как новенький, еще несколько процедур потребуется, и все. Ну и последствия твоего перемещения тоже будут сказываться – гормональные скачки, сердце может пошаливать, все это временно и корректируется. Будут вопросы – задавай, но не сейчас. Посмотри на запястье левой руки.

Я послушно посмотрел. Зеленая присоска все так же радостно перемигивалась, уже не только со мной, а с нами обоими.

– Симлинк. Это твой лечебный корректор, если какие-то проблемы возникнут, он или сам справится, или дежурного лекаря вызовет. Первые три дня не снимать, не боится воды – можешь купаться с ним. Если цвет изменится на синий, значит, что-то не все в порядке, и я сразу подойду. Переверни руку так, чтобы симлинк смотрел на пол.

Я послушно перевернул. На полу высветились красные пунктирные линии.

– Твой маршрут. Симлинк определяет потребности организма. Захочешь есть – по этим линиям придешь в столовую. Спать – сюда. Вот здесь... – Самти подошел к стене справа от окна и нажал на оранжевый круг на уровне лица, после чего сегмент стены исчез и показалось еще одно помещение, – уборная, там все привычные тебе приборы. Вот здесь... – он нажал на такой же круг на другой половине стены, – одежда. Все под твой размер. Одевайся.

На единственной полке шкафа лежали кремовые брюки и бирюзовая рубашка. Своей одежды я не увидел, но и то, что предлагали, вполне меня устроило. Надел, поворачивал руками – действительно мой размер, все сидело как влитое. Мне даже показалось, что влитым оно село уже после того, как я оделся. Удобные кроссовки, прямо копия моего «ню-беланса», но безо всяких эмблем, оказались как раз по ноге.

– Отлично, теперь ты почти человек, – улыбнулся Самти. – Можно в свет выпускать. Через два часа появится маршрут в кабинет энгуна, если он сам тебя раньше не позовет. Смотри... – Присоска чуть завибрировала и рядом с пунктирной линией появилась вторая, синего цвета, она пульсировала. – Это маршрут-прайм, он появляется, когда нужно отложить все дела и пойти именно по нему. К примеру, когда эн Громеш захочет тебя увидеть, он передаст сигнал на твой симлинк, и появится новый маршрут. Или диагност покажет, что через полчаса ты лапты склеишь – увидишь указатели в лечебный отдел. Пока нет идентификации, куда что ведет, но через три дня, когда ты адаптируешься, мы поставим другую модель, и там уже будет интерфейс, который тебе более привычен.

– Ясно, Самти, – сказал я, хотя еще совсем не всё понял. – А этот твой маршрут, который сейчас, он куда ведет?

– Соединяет столовую и твою комнату, – парень улыбнулся еще шире, отчего сделался похожим на лягушку, – ты можешь свободно ходить где захочешь. Короткие линии – это путь в комнату, длинные – в столовую.

Я вышел в коридор, действительно, те линии, которые оставались за мной, были раза в два короче других.

– Отлично, – Самти покивал головой. – Предвосхищая твой вопрос по языку – произноси и запоминай слова, как тебе удобно, ассоциативные связи образуются сами, тем более что калламдуг и твой язык фонетически близки. С идиомами то же самое – говори как тебе привычно, не думаю, что будут трудности.

– Спасибо, Самти, – произнес я.

– Если позволишь, лу Самти.

– Да, хорошо, извини. Все равно спасибо.

– Как говорит эн Громеш, спасибо в стакан не нальешь и в карман не положишь.

– Само собой, за мной не заржавеет. И эн Громеш, дай угадаю – это...

– Это я, – дядя Толя возник прямо за моей спиной, как из воздуха, я аж вздрогнул. – Можешь не угадывать. Понимаю, что вопросов у тебя накопилось выше крыши, но не торопись. Ты сейчас немного заторможен, Марк, это из-за лекарств, что пришлось тебе ввести, и всей этой катавасии с твоим организмом, но через пару часов оклемаешься, поешь, тогда и поговорим, ладно?

– Как скажете, эн Громеш, – изобразил я поклон.

– И этому тебя научим, – он махнул рукой. – Ну что, лу Самти, стоим? Работы мало? Напра-во! Бегом – марш!

Только подошвы сандалий бедного Самти сверкнули, так он понесся куда-то вдаль. Узнаю дядю Толю, у него даже мелкие чиновники в мэрии, которые по жизни никого, кроме непосредственного начальства, не боятся, по стойке смирно стояли, а потом вот так бежали в нужном направлении.

– Так, племяш, как дела?

– Где я, дядя Толь?

– Подробности после. Сейчас ты у меня в гостях, можно сказать, с того света тебя вытащили, совсем плох был, а вот смотри – прям как огурчик.

– Зеленый и в пупырышек?

– Ну раз шутишь, значит, на поправку идешь. Не расстраивайся, племянш, тут медицина о-го-го, и не таких на ноги ставили, вот только у тебя пока дезориентация в пространстве и времени, надо, чтобы голова твоя готова была к новой информации. Так что пока осмотришься, вот я бы на твоём месте за Самти пошел, там дальше выход в парк, погуляй, подыши свежим воздухом, а потом покалякаем о делах наших скорбных, – дядя Толя похлопал меня по плечу и ушел.

В этом весь дядя Толя, ворвется в жизнь, надаёт ценных указаний и исчезает.

Мне ничего не оставалось, как последовать совету чудом воскресшего родственника. В парк – значит в парк, тем более что есть, спать, пить и прочее я не хотел, а энергии было хоть отбавляй, видимо, сказывался продолжительный отдых в инопланетном лечебном аппарате.

И вправду, в столовую надо сходить обязательно, посмотреть, чем здесь кормят, ну и отведать иноземных блюд. Воздух вроде ничем не отличается от земного, чище только, вкусный какой-то, как в лесу после дождя, с ароматом сирени и цветущих яблок, и еще чуть терпкости. Дышится легко, полной грудью. Сила тяжести тоже привычная, сделаем поправку на пребывание в лечебном саркофаге, где со мной могли сотворить все что угодно, возможно, я теперь могу без воздуха в воде обходиться или летать, только пока еще не знаю – как. Вполне может оказаться, что я где-нибудь на секретной базе в Сибири, но что-то подсказывает мне, что куда-то подальше я попал. И планета, на которой я нахожусь, явно не Земля, хоть на нее похожа. Вот выйду сейчас на улицу, погляжу на красное солнце в крапинку и четыре луны и окончательно успокоюсь.

Пройдя метров пятьдесят по коридору прямо по пунктирной линии, которая вроде бы должна была вести в место для приема пищи, я уткнулся в светящийся прямоугольник дверного проема, только самой двери тут не было, внутри проема такая же белая стена. Рядом с контуром оранжевый круг. Именно за этим контуром, как я успел заметить, исчез Самти. Читали мы про такие штуки, и фильмы смотрели соответствующие, что делать – знаем. Проем послушно появился, стоило мне приложить симлинк к оранжевому кругу, и легкий свежий ветерок дал понять, что я на правильном пути.

Выйдя на улицу, огляделся – ну что сказать, парк как парк, и не такое видали в Версаях и Петергофах. Островки идеально подстриженных деревьев чередовались вылизанными до совершенства лужайками, перемежаясь каскадами фонтанов и мраморными портиками. Беседки, в кажущемся беспорядке раскиданные то тут, то там, были окружены кустами роз, посаженными на одинаковом расстоянии друг от друга. Все было просто идеально – что удивительно, не наблюдалось армии садовников, стараниями которых вся эта красота существовала.

И вот среди всего этого богатства я, как король, в роскошной бирюзовой рубашке и кремовых штанах. На голове моей роскошный котелок, в больших глазах зеленых на восток... Или куда там я иду, вроде солнце тут такое же, крапинок не наблюдается, и оно почти в зените, светит мне прямо в глаза привычным спектром. Желтый карлик, главная последовательность. Значит, иду на юг.

От входной двери в глубину парка шла единственная дорожка, мощенная гранитной плиткой, и вот уже несколько минут она не прерывалась, не разветвлялась и с другими дорожками, иногда видневшимися неподалеку, не пересекалась. Я и не пытался перейти куда-то еще, пунктирная линия четко совпадала с центром дорожки, а в животе уже слегка проявлял активность червячок.

Отличная погода, свежий ветер, природа – что еще нужно для приятной прогулки? Видимо, так считал я один – безлюдность парка просто поражала, ни в беседках, ни на дорожках, даже у нескольких встреченных по ходу движения бассейнов никого не было. Ни алкашей

с бутылкой и нехитрой закуской, ни мамашек с колясками и орущими детьми, ни собачников, с помощью питомцев удобряющих зеленые насаждения. Я уже начал было думать, что оказался единственным бездельником среди этой роскоши, и вся эта красота только для меня одного, но тут дорожка резко свернула через какой-то островок густо заросших деревьев, и я оказался на краю открытой поляны, посреди которой на теннисном корте две девушки играли в теннис. Дорожка прервалась, пунктир проходил прямо через игровую площадку.

Странный искрящийся мячик летал через висящую в воздухе без всякой поддержки сетку – от блондинки к брюнетке и наоборот. Я невольно залюбовался стройными девичьими фигурками в белых обтягивающих маечках и юбочках намного выше колен, на вид им было лет по восемнадцать-двадцать, обе были увлечены игрой, так что совершенно меня не замечали. У блондинки игра не получалась, она старалась, но разница в классе, на мой дилетантский взгляд, была уж слишком заметна, брюнетка выносила почти все свои подачи с одного удара.

Можно было бы обойти поляну по краю и отправиться дальше, но я решил ненадолго остаться. Во-первых, погода стояла отличная, солнце припекало, ветерок освежал, и я чувствовал прямо-таки неодолимую потребность посидеть какое-то время среди этого великолепия. Ну а во-вторых, кроме родственника и его розового медицинского помощника, в этом мире мне довелось встретить совсем немного людей (строго говоря – тех военных, которые волокли меня в медицинский блок и беседой меня не побаловали). Постояв пару минут и решив, что никому вроде не мешаю, я присел на стоящую с края поляны скамейку с высокой спинкой и принялся наблюдать за игрой.

Скамейка, несмотря на деревянные планки, оказалась необычайно удобной, казалось, дерево само подстраивается под все изгибы моей задницы и спины, вот так сидел бы и не вставал.

На корте страсти накалялись. Раздосадованная неудачами блондинка все чаще мазала, занося мяч за пределы корта. Ее напарница смеялась и выкрикивала явно что-то обидное на непонятном мне языке, от чего блондинка злилась еще больше. Подачи перешли к брюнетке, и тут блондинке улыбнулась удача, она наконец-то дотянулась ракеткой до мячика, и с радостным воплем жახнула по искрящемуся мячу.

Прямо в мою сторону.

Ну как так можно было промазать, подумал я, разглядывая выжженное отверстие в спинке скамейки сантиметрах в десяти от моего плеча. Сквозь него отлично было видно траву, часть ствола дерева, росшего за скамейкой, цветочки. Сердце гулко ударило несколько раз и замерло, индикатор на запястье немного изменил цветовой оттенок. Я внезапно понял, что еще чуть-чуть, и мои приключения на этом закончились бы, цветочки эти, за скамейкой, прекрасно смотрелись на моей могилке. Неприятное чувство холода появилось внизу живота, напрочь убивая просыпающегося червяка и его потребности. И тут, когда момент опасности прошел, надпочечники впрыснули адреналин в кровь, голова сразу стала работать лучше, расслабленность исчезла, артериальное давление слегка подскочило, а чувство страха исчезло.

У меня такое с детства бывает – иногда, если назревает что-то опасное, паникую, пытаюсь всеми силами этого избежать, трушу отчаянно, прям аж башню сносит от мнительности и возникающих в голове вариантов неблагоприятного развития событий, но уж если момент невозврата прошел, голова становится ясной, чувство страха проходит, а решительность и способность трезво мыслить наоборот – возвращаются и усиливаются.

Девушки наконец-то заметили меня, брюнетка, с недовольным видом подбрасывая на ладони еще один такой же искрящийся мяч, что-то приказала блондинке. Та с таким же недовольным видом направилась в мою сторону, поигрывая ракеткой, словно битой. Прям гопники местные – меня же еще и виноватым решили сделать. Не дожидаясь, пока гопота подойдет вплотную, поднялся со скамейки и с не менее недовольным видом пошел блондинке навстречу. Ракеткой она вертит, прям напугать решила. Сейчас я ей эту ракетку засуну по самые поми-

дору куда надо. Ну почему у меня на брюках нет ремня, сейчас бы всыпал этой пигалице по ее круглому задку, так уроки тенниса лучше усвоятся. По голове, судя по всему, ее бить бесполезно.

Не доходя пары шагов, блондинка остановилась, я последовал ее примеру – может, тут так принято, близко не подходить, личное пространство и все такое, да и возможность для маневра есть.

– Ты кто такой? – не слишком любезно спросила теннисистка. – Кто позволил тебе здесь ходить?

На некоторые вопросы лучше не отвечать. Как раз вот на такие – ответил, значит тот, кто задал его, имел право спрашивать. Я молча стоял и смотрел на нее. Блондинке это явно не понравилось.

– Что молчишь, не умеешь разговаривать? Тупой, да? На кухне работаешь? Садовник? – Она все больше заводилась, сделав шаг вперед и тыча в меня ракеткой. Я явно ее раздражал. – Отвечай, когда тебя спрашивают, иначе пожалеешь.

Если не вспоминать о теннисном мячике, пробившем с легкостью спинку каменной скамьи, то выглядела моя собеседница со всем этим ее грозным видом и насупленной мордашкой очень забавно.

– Уже пожалел, – совершенно искренне ответил я и отобрал у нее ракетку. Все равно пользоваться ей не умеет. – Слушай, давай потом поговорим, у меня тут дела, так что вечером приходи.

– Куда? – оторопела она.

– На сеновал, – аккуратно обходя девушку, предложил я. – Можешь даже кузнеца привести.

– А зачем нам кузнец?

– Вот именно, – окончательно поставив в тупик блондинку, согласился я. – Кузнец нам не нужен.

Девушка обернулась к оставшейся на корте подруге, явно ища поддержки, но та не торопилась поддержать партнера по игре. Брюнетка достала откуда-то ярко-оранжевый фрукт и откусывала от него по маленькому кусочку, явно растягивая удовольствие и всем своим видом показывая, что все происходящее ее совершенно не касается. Любят женщины подставлять своих подруг, этого у них не отнимешь, натура такая бабская.

– Пожалуй, пойду, очень был рад встрече, очень, – попытался я избавить блондинку от когнитивного диссонанса, аккуратно кладя ракетку на скамейку. Обошел девушку, направляясь по краю корта к противоположной опушке, где вроде бы виднелась такая же дорожка. Да и пунктир как раз туда вел. – Хотя, может быть, ты скажешь, как пройти в библиотеку?

– Со вторым уровнем доступа тебе туда вход закрыт, – подала наконец голос брюнетка, соизволив с поистине царственным видом приблизиться к нам. – Так что советую выбрать какую-то другую цель. Ты ведь куда-то шел?

– В столовую, – повинулся я, слыша недовольное сопение за плечом. – Очень кушать хочется. А сегодня, говорят, на обед макароны.

Сзади последовал едкий комментарий о плебейской еде. Прямым спинным мозгом почувствовал, что еще немного, и огребу ракеткой.

– Тебе туда, – брюнетка махнула рукой как раз в сторону дорожки, потеряв ко мне всякий интерес. – Илани, ты уже узнала все, что хотела? Тогда возвращайся на место, продолжим.

– И что, мы вот так отпустим этого наглеца? – голос сзади сочился бешенством. И правда, нехорошо я поступил.

– Илани, простите, если вдруг вас обидел. – Я обернулся, слегка поклонился блондинке. – Не со зла, честное слово. Слегка растерялся, когда вы попытались меня тут шариком убить, но буквально на секунду. А сейчас я вижу, какая вы есть замечательная.

Илани потрясла головой, видимо, редкие мысли в кучку собирала, брюнетка что-то там хрюкала себе, вернувшись к фрукту, так что ответа дожидаться я не стал, сразу видно – прощен, и поспешил к разрыву дорожки.

С одной стороны, нехорошо бросаться всякими опасными мячиками в незнакомых людей, а с другой, я тоже хорош – даже не спросил разрешения посмотреть на игру. Хотя кто знает, какие здесь правила поведения, может быть, я им смертельное оскорбление нанес и по тонкому льду прошелся. Прямо по ниточке. В некоторых странах жену чужую с открытым лицом увидишь и все, кирдык, тюрьма и отсекование причиндалов. И это у нас, а здесь могут быть совсем другие, еще более строгие правила. Увидел в мини-юбке – голову с плеч. На топик взглянул – подвешивание за тестикулы над муравейником.

Вот что стоило мне сразу извиниться и уйти, нет ведь, решил блеснуть остроумием, шутками, которые и на моей родине не все поймут, а тут и подавно, все никак не повзрослею, четвертый десяток уже, а веду себя иногда как пацан. Разозлил ни в чем не повинную девчущку, надо будет потом как-нибудь загладить вину, при случае. К тому же девчонка симпатичная, особенно когда злится, а от ненависти до любви не то что шаг – шажочек.

Ну вот прямо спиной чувствовал два взгляда, пока не скрылся за деревьями – один злой, а другой насмешливый. Брюнетка та еще язва и на дядю Толю чем-то похожа, не иначе как родственница. А ведь значит, и моя тоже, но не кровная, можно и подкатить.

До столовой я дошел буквально за пару минут, без приключений и опасностей. Привычно уже приложив светившийся прежним зеленым цветом симлинк к оранжевому кругу и миновав холл с диванчиками, большей частью свободными, по ходу пунктирной линии оказался в небольшом, метров сто – сто пятьдесят квадратных, помещении, заставленном привычными с виду столами и стульями. Вместо окон экран во всю стену показывал трехмерные картины природы, явно не из этих мест – море, острова, пальмы, девушки в купальниках и без. Легкая эротика сопровождалась тихим, едва слышным наигрышем на клавишных, очень мелодичным.

Народу почти не было, только за столиком в левом дальнем углу сидела компания из трех мужчин и одной девушки, они пили какой-то ядовито-оранжевый напиток из одного большого стеклянного кувшина, по очереди, прямо из горла, что-то громко обсуждали и смеялись. Все они были в однотипной военного вида форме без погон, видимо, из одной военной части. Хотя откуда мне знать, как тут принято, может быть, это повседневная одежда, а военная форма как раз на мне. Бирюзовая рубашка – никак не ниже полковника, полагаю. Кремовые брюки – авиация, кроссовки – тяжелый штурмовик, симлинк на запястье – диверсант с легендой.

Трое, включая девушку, были огненно-рыжие – два парня, один смеялся громче всех, другой, напротив, сдержанно улыбался. Четвертый, сидевший рядом с девушкой – брюнет, выше остальных на полголовы, здоровый такой ухоженный бугай, мощные мышцы перекачивались под обтягивающей торс синей рубашкой, идеальная прическа, белоснежная улыбка, хорошо хоть девушку обнимал, а то видал я таких метросексуалов с радужной ориентацией.

Близко к компании садиться не стал, у них свое веселье, у меня свое, к тому же брюнет на меня как-то недобро посмотрел, может, он не любит незнакомцев, или я на какого-то нехорошего человека похож.

Подождать пришлось несколько минут, подскочил парнишка в синей накидке наподобие пончо, с вышивкой белой нитью, и белых спортивных штанах, поставил на стол три тарелки, литровый стеклянный кувшин с тем же напитком, что и у обедающей компании, положил ложку, палочки и попытался скрыться.

– Эй, погоди, – перехватил я его. – Принеси-ка мне стакан.

Парень непонимающе посмотрел на меня, видимо нечасто его просили о такой диковинке.

– Стакан, кружка, чашка... Понимаешь? – Видимо, аналоги в местном языке были, все эти слова я произнес по-разному.

Официант кивнул, метнулся куда-то прямо через стену и через несколько секунд на моем столе стоял граненый стакан.

– Спасибо, выручил. И что ты мне тут принес? – уже в спину исчезающему парню спросил я, впрочем, не особо надеясь на ответ.

Названия местных блюд мне, наверное, ничего не сказали бы. На что это похоже – щупальца местного осьминога? Судя по виду, это были именно они – склизкие голубоватые кусочки в коричневом соусе. Впрочем, на вкус все оказалось не так уж плохо, щупальца были по консистенции мясными, немного сладкими, но кислый соус отлично дополнял этот вкус. Кусочки были нарезаны достаточно крупно, чтобы их удобно было есть палочками. Лежащее на другой тарелке зеленое пюре я попытался есть ложкой и, судя по одобрительным взглядам соседей, поступил совершенно правильно. Обычное яблочное пюре, стоило его так украшать красными и совершенно безвкусными ягодами, да еще красить в темно-зеленый цвет. Раскусив парочку ягод, остальные я отложил на край тарелки – вот не сообразил сразу, наверное для украшения они.

Третье блюдо я какое-то время не решался начать есть. Белесые сопли плавали в малинового цвета киселе, и смотрелось не то чтобы неаппетитно – это явно кто-то ел, и не раз. Наконец, набравшись смелости, я отделил ложкой от общей массы маленький кусочек и поднес к лицу. Тут только заметил, что компания в углу притихла и наблюдает за мной с явным интересом, девушка даже вперед подалась, а парни напротив нее явно забились на меня – выложили на стол какие-то кружочки и сгребли их в одну кучу. Ну что же, зрители ждут, понюхал кусок сопли, вроде тухлятиной или чем-то еще неприятным не пахнет, осторожно положил в рот.

На вкус обычная устрица, только подается без привычной раковины, малиновый соус оказался кисленьким и отлично дополнял слегка горчащий основной компонент. Прямо ностальгия по родному миру пробила, хотя устрицы я в последний раз в Сен-Мало ел года два назад.

Парни загомонили, один из рыжих радостно придвинул кучу мелочи себе, а девушку чуть не стошнило. Я не смог отказать себе в удовольствии – с аппетитом доел моллюска, щедро сдабривая его соусом, чуть ли не причмокивая и всем своим видом показывая, что вот это как раз моя самая любимая еда. Девушка не сдержалась и скрылась куда-то за стену, ох уж эти появляющиеся из ниоткуда проемы, там даже кружка не было оранжевого, только синее пятнышко еле разглядел, а бывшие об заклад парни довольно засмеялись и помахали мне руками.

– Ладно, знай наших, – пробормотал я по-русски. – Мы вам и не такое покажем, дайте только до водки добраться, – и щедро плеснул в бокал оранжевого напитка. Обычный сок, на вкус что-то среднее между манго и морковью, немного терпкий, но мне понравился. Привычки пускать слюни в общий кувшин у меня нет, не то что у местных, так что сидел я как белый человек, пил из собственного граненого стакана, догадываясь, кто был инициатором его появления здесь, никого не трогал.

– Можно присесть? – не дожидаясь ответа, напротив меня плюхнулся на стул брюнетистый сосед ушедшей в никуда девушки и потянулся к кувшину. Вот ведь манеры у аборигенов, сейчас язык свой прополощет в напитке, куда потом его девать. Пропадет продукт.

Я даже возразить не успел, как брюнет разрешил мои сомнения, выхлебав в несколько глотков остаток сока, а ведь там его не меньше половины литра было. Посмотрел на пустой кувшин, словно ниоткуда возникший официант поставил на стол такой же, но уже полный.

– Люблю сок вамбулы, три кувшина таких могу выпить подряд, – заявил он, глядя мне прямо в глаза и подергивая грудными мышцами.

Я отсалютовал ему бокалом и отпил небольшой глоток.

– Или ты мне не веришь?

– Верю, – успокоил я парня. – Ты вон какой большой, в тебя и шесть таких кувшинов влезет свободно. Да еще вамбулы, это же такое охренительное средство для повышения потенции, которая у тебя просто из ушей прет наверняка.

Тот притих, обдумывая услышанное, зато его два рыжих вихрастых приятеля оживились, о чем-то между собой перешептываясь. Один полез в карман, достал оттуда горсть мелочи и начал пересчитывать.

– А вот семь никак не влезет, дохловат ты для семи.

– Я уже выпил один, – парень выложил на стол сжатые кулаки, упорно набиваясь если не на драку, то на спор. – Поэтому про шесть и сказал. Шесть и один как раз семь будет.

Умеет считать – молодец. Я примерно представлял, как дальше будут развиваться события. Чужаков не любят нигде, значит, есть шанс получить по лицу, если повезет. Не повезет – просто переломают все кости, до которых дотянутся. Можно попробовать спустить все на тормозах, и так и нужно было бы сделать, но уйти мне просто не дадут, по всему виду этот сценарий разыгрывается уже не в первый раз, вон и зрители на месте, девушка вернулась за столик и что-то там обсуждала с парнями, поглядывая на меня. Можно и подраться, да только я трезво оценивал свое физическое состояние, если этот парень будет просто стоять и смотреть, как я его бью, может у меня и будет шанс, а так – никаких.

Две упаковки по шесть полулитровых банок пива мой друг Жорик Богданов, по его утверждению, выпивал под неспешное поедание воблы и креветок за просмотром телека, особенно художественную гимнастику он ценил, даже спонсировал одно время местную команду, пока жена не узнала и не пригрозила причинное место оторвать. И комплекции он был как раз этот верзила. Но это за весь вечер, с походами в туалет и неспешной закуской, да еще в хорошей компании зомбоящика. А тут этот абориген с непонятной физиологией, может быть, ему и поссать необязательно сходить, все перерабатывается без отходов. Ладно, раз ввязался, соскакивать уже поздно. Это все наркота, которой меня накачали родственничек и его эскулап, что-то сегодня меня прямо на конфликты тянет.

– Я тебе верю, – не слишком удачно попытался я все замять. – Ты можешь выпить семь таких кувшинов подряд, более того, я уверен, что и перерывов тебе не нужно, а на кувшин потратишь не больше десяти секунд. И кувшин, пока пьешь, на стол не опустишь.

– Хватит, – брюнет привстал, опираясь кулаками на столешницу. – Я...

Что он собирается сделать, сказать не успел, один из его рыжих приятелей подошел к столу.

– Слушай, парень, мы не хотим тут неприятностей. Но зу Конташ от тебя просто так не отстанет, уж очень он упертый. Так что я поставлю за тебя, договорились? А деньги мне с выигрыша вернешь?

– Да, – я протянул парню руку. – Я лу Марк.

– Лу Арраш, – тот нерешительно дотронулся своей ладонью до моей. – Это какое-то такое новое приветствие?

– Да, оно как раз означает, что твои деньги – мои деньги.

Брюнет, нетерпеливо морщившийся во время нашего диалога, решил, что ситуация уходит у него из-под контроля.

– Спорим, – проревел он, картинно напрягая шею. – Ставлю восемнадцать шиклу. Сейчас же.

– погоди, – осадил я его и повернулся к Аррашу. – А если проиграю?

– Будешь должен, – обезоруживающе улыбнулся тот. – Как-нибудь потом расплатишься.

Ага, знаю я таких. Потом – это значит, что, может, и не расплачусь, такого насчитают. Ох уж мне эти местные шулера, но ставить-то самому мне нечего, я и про деньги местные не знаю ничего. Приятель так в долг взял у местного авторитета, тот тоже ему сказал, мол, когда сможешь, отдашь. Отдал все как миленький и уже квартиру переписывал, хорошо бату

Жорика успели подключить, тот тогда в местном управлении СК работал и вопрос кое-как разрулил. Но то в России, может, тут похлеще порядки, в сексуальное рабство какое-нибудь отдадут, судя по нарядам некоторых моих знакомых, извращенцев тут хватает.

– Нет, лу Арраш, так не пойдет. Сколько у тебя денег тут?

– Три шиклу и сорок ши, – парень ничуть не расстроился. Может, для них и вправду это просто развлечение, так, не местного прижать и посмотреть, как выкручиваться будет.

Вот ведь засада, шиклу какие-то, я курс местный не знаю, не попасть бы.

– А ну-ка покажи мне одну монету.

– Из какой ты далекой глуши, – Арраш достал из кармана кругляш и протянул мне, – что про шиклу не слышал.

– Из какой надо глуши, – я осмотрел монету. По мне так обычный новодел, вон как блестит. Качество XF, такими азиаты торгуют на заправках, выдавая за царские клады. Подбросил, покрутил, вроде серебро, бросил на столешницу – да, звон присутствует. На аверсе выбит клинышек острием вниз, на реверсе – изображение солнца с семью лучами, ничего особенного. Прикинул, граммов десять, не больше, это если по курсу, где-то триста рублей, не думаю, что тут серебро дороже стоит.

Ладно, придется спорить. А в этом деле главное на берегу все условия обговорить, а то шанс остаться без штанов резко возрастает.

– Хорошо. Я беру у тебя, лу Арраш, три шиклу. Если проигрываю, в течение тридцати дней отдаю долг, если выигрываю, отдаю три шиклу. Если не отдаю долг через тридцать дней, то за каждые тридцать дней к долгу добавляется по десятой шиклу. Договорились?

Рыжий кивнул головой.

– Теперь с тобой. Зу Конташ, ты пьешь шесть полных кувшинов сока, не выпуская кувшин из руки, пока в нем что-то есть, и не выходя из-за стола, на каждый кувшин десять секунд. Пустой кувшин в руках не держать, поставил на стол – сразу же бери следующий. Сок вамбула оплачивает тот, кто проиграл. Вы ведь это хотели предложить?

– Законник, – процедил сквозь зубы брюнет. – Ненавижу законников. Три шиклу против твоих трех. Эй, эре, неси сюда еще пять кувшинов.

Шесть полных кувшинов ярко-оранжевого сока выстроились перед спорщиком. Шесть литров отличного сока, думаю, что поджелудочная этого парня скажет ему «спасибо», хотя с местной медициной это не риск. Официант что-то пытался брюнету сказать, но тот только зарычал и резким движением руки отшвырнул парня от стола. Вот ведь завелся, и почему, я ведь не сделал этим ребятам ничего плохого.

– Раз, – припечатал он, выхлебав кувшин буквально за пару секунд.

– Два... Три... Четыре... – Еще три кувшина последовали за первым, все это заняло максимум секунд пятнадцать.

– Пять, – он ухватил предпоследний кувшин и поднес ко рту.

Не люблю нечестную игру, это и не игра вовсе. Но раз сел с кидалами за один стол, джентльменом можно и не быть. Последний глоток, и пустой кувшин возвращается на стол, я резко поднимаюсь, рыжий Арраш, поняв, что я хочу сделать, рванул мне наперерез, но уже было поздно. От резкого движения стол сильно качнуло, последний кувшин наклонился, выплескивая часть сока.

Движения брюнета я не заметил. Рука только что держала пустой кувшин и вот уже держит полный. Ни капли мимо, надо же, фокусник нашелся. Обычные люди не могут так быстро двигаться, точно знаю. Сеня Одинцов, мастер спорта по боксу, работавший у меня безопасником, как-то показывал такие фокусы с перехватом предметов, но его движения можно было отследить, пусть даже смазанно. Брюнет медленно, рисуясь, поднес кувшин ко рту и не торопясь осушил до дна. Не просто поставил – монументально воздвиг кувшин на стол, без слов сгреб деньги в одну кучу.

– Тоже ненавижу законников, – я спокойно взял первый кувшин и слил то, что осталось на дне, в последний. Потом так же поступил со вторым, и с оставшимися тремя. Набралось прилично, миллилитров пятьдесят, не меньше, поболтал, оглядывая спорщиков, никто не пытался возразить. Придвинул к себе деньги, ровно шесть блестящих серебристых монет. – Всегда найдут, как обдурить. А еще больше я не люблю жуликов. Но ведь ни тех, ни других за этим столом нет, правда? – Отсчитал три монеты, пододвинул их Аррашу, три – брюнету.

– Что это значит? – Конташ посерьезнел, воинственный настрой слетел с него моментально.

– Твое. Будем считать, что просто пошутили. Проигрыш плохо действует на пищеварение, да и ставки у вас какие-то детские, – не удержался от подкола я. – Знал бы, тоже полный карман мелочи приволок.

Крепыш стал приподниматься из-за стола, по выражению его лица было видно, что добром наша встреча не закончится. И что он так на меня взъелся, я нормально поступил, честно, выиграл, но спорно, и выигрыш вернул. Какие ко мне претензии. Положил бы в карман, можно было бы потянуть, но тут-то за что.

– Это значит, что драки не будет, – дядя Толя появился как всегда внезапно и вовремя, парни моментально вытянулись в струнку и вид приняли лихой и придурковатый. – Зу Конташ, опять твои шутки с соком, ты бы хоть что-то новое придумал. Как новенький появляется, обязательно надо втянуть его в свой спор.

– Разрешите доложить, эн Громеш, новенький выиграл, – вылез второй рыжик, заработав недовольный взгляд брюнета.

– Ну хоть кто-то вас жизни научил, придется придумать что-то пооригинальнее, – обрадовался дядя. – За то, что салаге проиграли – пять кругов по полигону, третий уровень, после отбоя, всем.

– Есть, – все четверо отсалютовали правой рукой, от левого плеча и вверх. Судя по всему, такое им было не впервой, никто не выглядел расстроенным, а Арраш мне так даже подмигнул.

– Налево, кругом. Марш. – И дождавшись, пока четверка строем выйдет из помещения, повернулся ко мне. – Как тебя угораздило в это ввязаться?

– Не поверишь, дядь Толь, сам не знаю, – я пожал плечами. – Как какой-то бес в подсознание вселился и толкает на разные глупости.

– Ну как раз несколько часов после медстазиса прошли, тебя вот-вот отпустить должно. Хоть начнешь соображать, что не у себя дома находишься, а то вон как тебя понесло. Всегда ведь был осторожным парнем, не то что мой Пашка.

– Да нашло что-то, и ребята эти привязались так, что не соскочишь.

– Всыпать бы тебе, да поздно уже. Поел?

– Устрицы были великолепны. У вас так все время кормят?

– Устрицы? – дядя удивился. – Эй, ты, подойди-ка сюда.

Лысый парень в синей накидке осторожно приблизился.

– Кто заказывал еду на этот столик?

– Так ведь зу Конташ, – парень замаялся, – он все заказал и оплатил.

– Ну и хорошо, можешь идти, – дядя махнул рукой, лысый опрометью бросился прочь. – Выходит, тебя еще и накормили по первому разряду, самыми дорогими блюдами. Молодец, племяш, хоть и не в себе, а своего не упустишь. Как всегда. Ладно, за мной шагом... В общем, пойдём. Заодно и поговорим в уютной домашней обстановке.

4

Наш мэр, Лейбман Семен Викторович, очень скромный человек, невеликих потребностей. Его кабинет едва дотягивает до пятидесяти квадратных метров, удобная мебель местного производства из ЛДСП, скромное кожаное кресло за добротным письменным столом и портреты президента и премьера на обшитой ламинированными панелями стене. Его помощнице Зое Моисеевне почти шестьдесят, у нее три подбородка, бородавка на носу и кагэбэшное прошлое, по просьбе Семена Викторовича она готовит ромашковый чай и подает его с имбирными печеньками.

У его брата, Михаила Викторовича, председателя крупнейшей строительной компании области, кабинет квадратов двести, итальянская вишня и натуральные буковые панели с инкрустацией по стенам, большой стол стиля модерн из массива, кресло из перфорированной натуральной кожи ручной работы за семь тысяч евро. Все тот же портрет президента над столом, правда на другой стене висит пара «итальянцев» и «голландец» из не слишком известных, но все же оригиналы, на то и сертификаты имеются. Секретарша его, Леночка, не топ-модель, но все при ней, и длинные ноги, и белые волосы до попы, и сама круг-лая попа очень даже ничего. И даже мозги имеются, хоть это в ее работе и не главное. Леночка готовит отличный кофе, специально ездила учиться в Неаполь. К кофе отлично идет «Хеннесси» и маленькие мармеладки из груши с фисташкой. Еще Леночка отлично делает массаж, и не только, охотно едет с боссом в сауну, стоит лишь позвать, у нее два высших образования – экономическое и психологическое – и почти написанная кандидатская. Как только защитится – ждет ее карьерное будущее в самых радужных тонах.

Дядя Толя бывал и у одного брата, и у другого, и не раз. Не знаю, кого из своих собутыльников он хотел переплюнуть, но кабинет тридцать на тридцать метров – это скорее садовый участок, девять соток как-никак. Все это пространство разбивали на равные промежутки четыре колонны под золото, хотя, может, это и было настоящее золото, на глаз не отличить.

В функциональности помещения сомневаться не приходилось – по центру стоял вполне земной переговорный стол буквой П, по диагонали два огромных дивана, разделенных журнальным столиком, предлагали провести более откровенные переговоры, в других отсеках были рабочие места, я бы посадил туда секретарей, и возможно, именно так все и предполагалось, напротив входа, у окна, стоял скромный столик буквально метр на три, с удобным креслом спинкой к окну, и двумя не очень удобными, судя по виду, креслами для посетителей.

Справа от входа за внушительным столом с висящим в воздухе прозрачным экраном сидело создание, которое просто девушкой назвать язык не повернется. Нимфа? Королева красоты? Идеал моих эротических снов? Когда она поднялась, вся такая прекрасная в обтягивающем белом комбинезоне, откинув прядь белокурых выующихся волос, от чего идеально очерченная грудь еще лучше очертилась, слегка прогнула свой тонкий стан, опершись руками на стол, кивнула – мне царственно, едва заметно, а дяде Толе чуть ли не в пояс, и, дождавшись от него повелительного жеста, скользящей походкой вышла из этого садового участка; мои гормоны чуть не разорвали меня, как грамм никотина хомяка. На что дядя Толя только хмыкнул, видимо подобное происходило тут не раз.

Вот честное слово, еще немного, и я бы пересмотрел свои взгляды на холостую жизнь. Хотя бы временно.

Кресла были неудобными не только по виду, это я ощутил, стоило мне примоститься в одном из них. Дядя Толя мазохизмом никогда не страдал – обошел стол и сел на свое место.

– Что, неудобно заднице? – ехидно поинтересовался он, наблюдая, как я пытаюсь принять более-менее приемлемое положение. – Это чтобы всякие личности тут не рассаживались, а то взяли моду, приходиться и на нервы мне действовать. Сейчас, погоди.

Вроде бы и не нажал ничего, а кресло действительно поерзало, пошаталось и приняло форму задней части моего тела. Мне даже показалось, оно стало глубже и ниже, сидеть стало намного удобнее.

– Технологии. – Дядя Толя поднял палец. – Давай я расскажу тебе сначала, что тут приключилось, а ты мне, в свою очередь, о том, как сюда попал. В общих чертах я представляю, какие-то фрагменты воспоминаний нам удалось из твоей памяти считать, но полной картины пока нет. Диагност обычно считает за несколько дней до процедуры, но с тобой как всегда все не так.

– Что не так со мной?

– Да понимаешь, какой-то мозг у тебя странный, блокирует доступ. Волноваться тебе не о чем, даже наоборот, преимущество перед другими. Такое случается, но редко. Об этом мы еще поговорим, есть вопросы поважнее. Готов?

Я кивнул.

– Короче, ты, племяш, попал. Конкретно. Вижу, что понял всё.

– Ну да, что это не Земля, понятно.

Дядя усмехнулся.

– Сейчас я тебя удивлю, друг мой. Здесь та же Земля, что и твоя родная, абсолютно такая же, то же самое Солнце, звезды, Луна и Юпитер с Марсом. А сама планета лучше, да. Народу меньше, экология чище, ну и технологии, сам видишь – продвинутей.

– Ну теоретически я это представить могу – множественные параллельные вселенные, теория струн и черная материя, – поделился я своими знаниями, почерпнутыми из интернета и сериалов. – Мы же, экономисты-теоретики, так себе все и представляем.

– Не иронизируй, – строго сказал дядя Толя. – Именно что параллельные. Так что это точно такая же Земля. Сейчас ты, если по карте смотреть, где-то в районе Курска.

– Ни фига ж меня занесло, – присвистнул я.

– Что занесло – в точку попал. Сам-то что думаешь, как это с тобой случилось?

– Странный вопрос, дядя, – удивился я. – Нашел кого спрашивать, со мной такое в первый раз.

– И скорее всего, в последний, – родственник покачал головой. – Вот как ты во все это влип?

– Мы с друзьями каждую осень ходим на рыбалку.

– Да знаю я эту вашу традицию, – дядя махнул рукой. – Им бы только от семей своих сбежать, но ты-то холостой. Холостой еще?

– Держусь пока.

– Вот. Никак не нагуляешься. Хорошо, пошли вы на рыбалку, но как ты сюда-то попал? Прямо во время подсечки?

– Да нет же. Мы в воскресенье расходиться стали, и Пашка сказал, что забыл что-то у речки. Сумку свою, вот. А сам поехать не смог, провалился в канаву и ногу подвернул. Ну ты знаешь, он мастак на такие фокусы.

– Да, Пашка такой, – грустно сказал дядя Толя. – Не сломал ничего?

– Нет, обошлось вывихом и пораненной рукой. Он лежит, кровь ручьем, хотя этому кабану хоть бы хны, ну и в таком состоянии я его не отпустил никуда, сам поехал. Сумку нашел, а в ней кварц, помнишь, у вас в доме лежал, голубой такой кристалл, который ты на помойке нашел?

– Ну да, помню. Продолжай.

– Я за этот кристалл схватился, горячий он был почему-то. И этот камень прилип ко мне, я его отрывал, что только ни делал, никак не отваливался. Жжет, зараза. Я решил в речке его искупать, чтобы хоть руку охладить. Но не дошел, споткнулся обо что-то, упал, и вот здесь сижу.

– Да, ситуация, – дядя встал, поглядел в окно. – Камень этот непростой.

– Понял я уже. Логикой не обделен.

– Да уж. Кристалл, который к тебе прилип, а потом сюда вроде как перекинул – порталный амулет, еще с этой Земли. Не мог же я всем рассказать, что отсюда его привез, тете Свете по секрету про Африку сказал, а остальным, чтобы не спер никто – про улицу. Я, когда к вам переместился, в общем, помнишь, как тетя Света меня к вам привела?

– Да как я вспомню, дядя Толь, я ж тогда под стол ходил на горшок.

– Ах, да. Короче, на вашу Землю я попал в том же году, когда ты родился, а с тетей Светой познакомился, тебе два года уже стукнуло. Вот таких камней у меня с собой два было, с одним я сюда вернулся, а второй Пашке оставил. Он должен был ближе к – вашему Новому году сюда переместиться, уже все было обговорено с ним.

– Погоди. Так Пашка знал? И вот так все бросил бы и сюда? Хотя что я спрашиваю, раз вы договорились. Вот паразит, хоть бы намекнул. Друг называется. А тетя Света?

– И она тоже. В смысле знала, но сюда не захотела со мной переходить. Я ей все сразу рассказал, как только сын родился, но она никогда особо не верила.

– То-то она не особо печалилась, когда ты пропал, мать ее все за это ругала. А мы ведь тебя, дядя Толь, поминали три раза в год. В день рождения твой, ну видимо тот, который по документам, на день военного разведчика и когда похоронка на тебя пришла, письмо из министерства обороны. И орден тебе посмертно дали, вручили тете Свете.

– Что за орден?

– «За военные заслуги».

– Негусто, – дядя Толя поморщился, – после двух Красной Звезды и трех Мужества могли бы и Героя дать. Орден этот – цацка простая, их всем по выслуге. Но все равно, выпью за это. Ну да ладно, дело это прошлое.

– Спросить еще хочу.

– Да?

– Раз вселенные параллельные, тут, может, я сам... или родители. Есть кто?

– Нет, не беспокойся. Наши Земли только так одинаковые, по растениям всяким и зверью, а по людям настолько разные, что тебя тут точно нет. А если бы был, то порталный амулет тебя просто не перенес бы. Тут с ними целая наука связана, что можно, что нельзя, так что с собой точно не встретишься.

– А похожие Земли тоже есть? Ну на ту, откуда я?

– Есть, – дядя пожевал губами, кивнул, – как не быть. Тот мир, где мы сейчас – центральная Земля, или Земля-ноль, и много других, соответственно и Солнце, и звезды, и все остальное, все одинаковое. Различия между нами появились несколько тысяч лет назад, так что они существенные, накопилось, сам понимаешь. А вот есть миры, которые с твоим на сотню-другую лет разминулись, там да, может многое быть одинаково, хотя туда ты как раз не попадешь, двойник твой там наверняка есть.

– А почему эта Земля – нулевая, может наоборот, наша?

– Нет, племян. Твоя вообще на отшибе где-то, уж извини.

– Ладно, не всем же в столицах рождаться. А много таких тут, как я?

– В смысле – с твоей Земли?

– Ну да. Или вообще – с других Земель.

– Практически нет, – дядя вздохнул. – Только ты и я, получается. Ну и Пашка, когда удастся сюда его переправить.

– Ну и ладно, хоть в чем-то я уникальный. Но раз я сюда попал, чего мне делать-то? Ты говоришь, различия большие. Значит, мои знания тут никому не нужны, а по большому счету я ничего другого делать не умею, ну если только на диване лежать.

Мы рассмеялись.

– Ну деньги и диваны как раз одинаковые, так что своим способностям можешь применение найти. Я же помню, чем ты у себя занимался, деньги – они во всех мирах есть, не могут люди от них никак отказаться. Давай я тебе вкратце расскажу, кто я здесь, и ты потом решишь, чем заняться. Это вещи связанные. На той Земле я военный был и здесь занимаюсь тем же. Только не Громов, а Громеш, мы, Громеши – род потомственных военных и целителей. Поэтому когда Пашка врачом стал, я только рад был, а то ведь что сначала хотел, на экономиста учиться.

– Ух ты. Значит здесь ты генерал?

– Ну не генерал, скорее полковник, от той карьеры я недалеко ушел, – усмехнулся дядя Толя. – Как уже сказал, наша семья – Громеши. Тут все на родственных связях завязано, так что принадлежность к семье – это основное. Это как... ну представь, что попал на Сицилию.

– И дон Анатолий – это ты.

– Нет, дон у нас другой, – дядя хохотнул. – А я вроде как внук ему. Но уж раз ты мой родственник, найдем тебе занятие по душе, ну или по потребностям. Вот скажи, что ты знаешь о магии?

– Так тут и магия есть? – выдохнул я.

– Третий закон Кларка знаешь? Вот у нас почти так же, только с одним отличием – магия существует. Да не качай ты так головой. Еще мы называем ее пси, потому что все завязано на человеческий мозг, но если бы только в мозге было дело, то считай и магии не было бы, чистая психокинетика. Кроме мозгов, еще энергия особая нужна, которая мозгом этим управляется. Кстати, как вскрытие показало, ты тоже маг, правда, слабенький, но все равно, у подавляющего большинства местных жителей и таких способностей нет.

– Мля, – я не сдержался. – Не верится что-то. И файрболом могу шарахнуть?

– Можешь, – дядя важно кивнул. – Попробуй.

Я вытянул руку вперед, попытался создать огненный шар. Дядя с улыбкой смотрел на мои старания.

– Ты только от натуги не лопни, – веселился родственничек. – Так просто ничего не сделаешь, Гарри. Тут тебе волшебная палочка нужна и очки. Точнее говоря, девайс соответствующий, может, что и выйдет из тебя. Вот тебе, кстати, и место твое в этом мире. Тут любой маг ценен, если у него способности хоть как-то позволяют этой пси-энергией пользоваться. Я, к сожалению, не слишком силен, хотя не такой слабак, как ты, а вот Пашка – тот еще покажет.

– Да ладно, Пашка – и волшебник. Что-то не наблюдал за ним таких склонностей, – засомневался я. – Если только в неприятности влипать – это колдовство, тогда да, колдун тот еще.

– Что есть, то есть. Кстати, ты замечал, что из неприятностей этих он легко выкарабкивался?

– Точно. Вот паразит, такой бизнес могли замутить, салон магический открыли бы, на битву экстрасенсов съездили бы, это ж бабло рекой. Никакие другие реальности не нужны.

– Просрали вы свое счастье. Теперь тут груши околачивай.

– погоди, дядь, так вы же по мирам как по комнатам шастаете, неужели меня нельзя обратно отправить?

– Теоретически – можно, – дядя почесал лоб. – А вот практически... тут и материальные сложности, и физические, и всякие другие. Так что, Марк, пока на дорогу домой не рассчитывай.

– Блин, дядя Толь, нехорошо это. Родители волноваться будут, мать так вообще места себе, наверное, не находит. С ними никак связаться нельзя?

– Нет, – отрезал родственник, – между мирами связи никакой нет, по мобильнику не позвонишь. Надеюсь, Светка с Пашкой догадуются, что не просто так ты пропал, и объяснят всё. У тебя там с бизнесом, имуществом все гладко, у родителей проблем не будет?

– Да тут вроде все путем, дядя Толя. Дача на отце, одна квартира на матери, а на остальное – у родителей доверенность бессрочная есть, и на счета банковские тоже. Фирму, ты знаешь – я продал, новую так и не завел. Сколько там – семь лет, чтобы пропавшим без вести объявить? Так что, надеюсь, с деньгами они там разберутся. Ну а брат с сестрой как вы-учатся – есть куда переехать. Только все равно как-то неуютно, как бы с матерью ничего не случилось, тетю Свету она выслушает, но вот услышит ли... Но блин, в голове не укладывается, порталы какие-то, дядя-инопланетянин, они тетю Свету в дурку не сдадут?

– Она сама кого хочешь сдаст.

Мы рассмеялись. Все-таки что-то вкололи мне, вот мне сейчас рвать, метать и об стену головой биться, а чувствую себя отлично, и вроде все понимаю, а по большому счету по фигу. Что я дяде и озвучил.

– Ну а ты что хотел? – развеял тот мои сомнения. – У тебя еще недели две гормональный фон будет скакать туда-сюда, так что в целях профилактики ввели, а то натворишь дел, а мне расхлебывать. Не наркотики, не привыкнешь, а вот для адаптации поможет. Кое-какие всплески будут, но сглаженные. Тебе лепила местный потом объяснит.

– Понял. А с Пашкой что?

– С Пашкой будем решать. Тут как получится, если этот порталный камень на месте остался, то скоро сынок появится. А если разрушился, и такое бывает, рядом с тобой-то мы его не нашли, то попробуем вытащить, заодно сможешь родителям сообщение передать, чтобы совсем не скисали. Так хоть будут знать, что с тобой все нормально, жив-здоров.

– То есть Пашку вы вытащите, а меня обратно не сможете? – обиделся я.

– Нет, – дядя развел руками, – такая возможность для тебя, повторю, есть только теоретически. А практически – попал ты сюда, Марк, навсегда. Я вот тебе только посочувствовать могу, а реально помочь никак не получится. Это тебе не троллейбус, кто хочет залезет и едет от одной остановки до другой.

– Ладно, дядя, понял, не дурак. Нет так нет, главное, что будет возможность родителей успокоить, да?

– Да.

Хорошо, дядя Толя словами просто так никогда не бросался, раз сказал – сделает. Я бы успокоился, но уже, спасибо местной химии, был практически спокоен.

Хозяин кабинета меж тем провел рукой над столешницей, две чашки со слегка дымящим напитком появились из ниоткуда. Вот она, магия!

– Технология, – разочаровал меня родственник. – Чай, самый лучший. Помню, что ты горячий не любишь, так что подожди, остынет немножко, а я вот так, кипяточек, – отхлебнул он из чашки. – Пей, сколько хочешь, если надо, еще сделаю. Я ведь тоже почти в такой же ситуации, как ты, когда-то оказался. На вашу Землю по дурости попал, кроме как воевать ни на что не способен был, уж очень низкий магический фон, а накопители и амулеты в переходе в ноль разряжаются, ничего с собой не пронесешь. С дедом поругался и нажрался, уж ты знаешь, как я могу, если вдруг припрет... Водка – зло, а если она еще магически обработана... Эх... – Он махнул рукой и скривился.

Я кивнул головой, придвигая себе чашку, аромат от нее шел просто божественный – уж как дядя Толя гулял в свои редкие, но насыщенные приезды, весь город знал. Городское, да что там – областное начальство запасалось заранее мезимом, антипохмелином, рассолом и корвалолом на всякий случай, потому что от участия в грандиозной попойке увильнуть не удавалось никому, ни язвенникам, ни трезвенникам, ни прокурорам. Видимо, поэтому Пашка практически не пил – насмотрелся на папашу. Помню, отец Лехи Милославского строго-настрого предупреждал, как только я узнаю, что дядя Толя собирается на побывку – тут же звонить, и пару раз ему даже удавалось сбежать в командировку.

– И обратно не пройти, фон низкий, больше тридцати лет ждал, пока амулет зарядится и меня выкинет, – продолжал делиться своими бывшими проблемами дядя. – Магия почти не работает, только ментальная еле-еле, только и хватило, чтобы легализоваться, документы в рязанское училище подать, а потом с тетей твоей познакомился, Пашка родился, да я и вроде прижился кое-как, работу по профилю нашел, можно сказать. Светка в курсе была, знала, что в какой-то момент исчезну, но сюда ни в какую. Отказалась – мол, не хочет неизвестно где и кем быть, будет ждать. Пашку вот разрешила забрать, и то хорошо.

Он отхлебнул чай и сделал приглашающий жест рукой – мол, попробуй. Подождал, пока я отопью глоток.

– Ну как?

– Необычно... И про чай, и про то, что ты рассказал. Если бы не родители, прыгал бы от счастья, что мне там на Земле, только что в глубины не спускался и в космос не летал. А тут новый мир, магия-шмагия, дядя-волшебник, девушки у вас красивые, хоть и скандальные. Но что сделано, то сделано. Ты ведь не виноват, что я тут очутился.

– С этим еще голову поломать придется. Для переноса амулет должен быть на тебя настроен, это делается через специальный ритуал, после которого кристалл на время привязан к владельцу. Как неразменный рубль, его можно терять, разбивать, попробовать уничтожить – все равно к тебе вернется. С брательником твоим я эту активацию сделал, когда ему пятнадцать было, так что странно всё.

– Ну я вроде как в крови его испачкался, Пашка поранился еще перед тем, как я его сумку поехал искать и этот камень нашел.

– Нет, – дядя махнул рукой, – было бы все так просто. Даже если клона из тебя вырастят, он не сможет твоим амулетом привязанным пользоваться. Только после обратного перехода, когда привязка спадает, другой кто-то может. Но это пусть ученые себе голову ломают, как ты, хакер такой, систему взломал. А теперь скажи, чего ты в спор с наемниками ввязался?

– Гормоны, думаю, – отхлебнул я из чашки, – сам же сказал, как ПМС у меня сейчас.

– А если бы проиграл? Что тогда?

– Отдал бы три шиклу. Как я понял, не такие уж большие деньги. Несколько монеток серебряных, даже по весу там рублей на пятьсот.

– Ну ты молодец, – дядя рассмеялся, – Шиклу как обычные деньги давно уже не в ходу, ребята, а точнее Конташ этот, тебя банально развели, только с новичками такое может пройти. В ходу у нас обычные деньги, кредиты, а монеты эти – магические, еще с древних времен остались, каждая стоит очень дорого. Не знаю, где эти ребята набрали столько, зу Конташ, наверное, из семейной сокровищницы притащил, но, если по земным меркам мерить, отдавать бы тебе пришлось примерно два-три ляма в евро. Честно скажу, для меня три шиклу – не такие уж большие деньги, но все равно обидно было бы терять. На что потратишь?

– Да я их этому Конташу отдал, кто ж знал, что такие бабки на кону. Да и знал бы, тоже, наверное, отдал, не к добру такие выигрыши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.